

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ
Андрей
НИКОЛАЕВ

[СЧАСТЛИВЧИК
САНДЕРС]

Андрей Николаев
Роман Валерьевич Злотников
Счастливчик Сандерс
Серия «Охота на охотника», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129052

Счастливчик Сандерс: АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-069929-2, 978-5-271-30632-7

Аннотация

Пять лет назад в подземельях на планете Хлайб спецгент Ричард Сандерс и его напарник Полубой вступили в схватку с опасным существом, принадлежащим к расе более развитой и могущественной, чем люди. Из той передраги Сандерс вышел с набором сверхчеловеческих способностей и уверенностью в том, что рано или поздно встреча с расой чудовищ ждет все обитаемые миры, а потому надо потихоньку уходить из Федерального бюро на покой. За минувшее время он многое для этого сделал, но от нового задания отвертеться не удастся: в поле зрения Бюро попала секта «Божественное откровение», в которой сгинули несколько десятков детей высокопоставленных родителей. Путь Сандерса лежит в космическое захолустье похлеще Хлайба, а в напарницы ему на сей раз досталась очень непростая девица...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	26
Глава 2	49
Глава 3	71
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Роман Злотников, Андрей Николаев Счастливчик Сандерс

Пролог

Лес отсюда, с высоты четырех тысяч футов над уровнем моря, казался огромной мохнатой шкурой, расстеленной на снегу. До кромки леса было довольно далеко – около двух часов бега на охотничьих лыжах, однако ночь и морозный туман у подножия гор скрадывали расстояние.

Звезды ледяными брызгами застыли на угольно-черном небе. Здесь, в горах, они сияли чисто и ровно, и казалось, что если подняться выше, ну может, еще на тысячу футов, то можно будет потрогать их руками.

Луны не было – она взойдет только под утро, чтобы почти сразу раствориться в розовых сполохах зари, но к тому времени он уже будет на равнине, в лесу.

Сандерс подбросил в костер таблетку пироксела и засыпал в котелок кофе – на одну кружку. Как раз одну он и успеет выпить, прежде чем начнет спускаться. Снег вокруг костра протаял до желтой прошлогодней травы – наст был неглубокий, не то что в лесу, и когда он уйдет, на снегу до следую-

щего бурана останется ровный круг голой земли, будто весна попыталась на этом крохотном участке одержать над зимой маленькую победу.

В горы его загнала местная зверюга – разновидность росوماхи, сильный и опасный зверь размером с двухгодовалого медведя. Как и земная росوماха, эта могла преследовать добычу сутками, если не удавалось задрать сразу. Сандерс подставился росوماхе почти пять суток назад: оставил на снегу следы крови, для чего полоснул ножом по руке. Рана затянулась быстро – он знал за собой такую особенность, одну из многих, приобретенных около пяти лет назад. Зверь взял след под утро, и Сандерс, коротавший ночь неподалеку на вырубке, присев в наспех сооруженном шалаше из еловых ветвей, продел ноги в петли на широких лыжах и пошел по глубокому снегу, не слишком торопясь, но и не мешкая. Его задача была не подпускать зверя на дистанцию короткого броска, где росوماха была чрезвычайно опасна и непредсказуема, но и не уходить слишком далеко, чтобы адреналин не растворился в крови – пропадало чувство опасности, из-за которого он и проводил короткие отпуска на малоосвоенных планетах.

Росوماха преследовала его не торопясь, как и поступала с обычной своей добычей – оленями и лосями, загоняя до полного упадка сил, чтобы почти без сопротивления добить обессиленное животное. Первые трое суток Сандерс слышал в морозной тишине жалобный плач росوماхи – характерный

звук, издаваемый ею при преследовании. Будто она жаловалась, что вот, мол, лапы короткие, шуба тяжелая, а есть очень хочется, но добыча никак не сдается. От жалобных звуков Сандерса едва слеза не прошибала. Так бы взял, да и зарезался, лишь бы облегчить жизнь несчастному созданию. Однако последние сутки росомаха ревела все яростнее – обычно она загоняла оленей за сутки-двое, а тут уже четвертые заканчиваются. Досада и злость прорывались в ее голосе все чаще, и, попадая на участки, где ветер смел снег, росомаха переходила на тяжелый бег. Это были самые опасные моменты – стоило подпустить ее слишком близко, и пришлось бы схватиться врукопашную, а из оружия у Сандерса был только охотничий нож.

На краю леса росомаха остановилась – впереди был длинный подъем, начинались предгорья, чужая территория. Здесь уже царствовали снежные барсы, и лишь боязнь упустить добычу могла заставить росомаху подняться в горы. Заметив ее нерешительность, Сандерс тоже остановился и присел на корточки – зверь устал, но был еще опасен, а его задача была измотать хищника до изнеможения. Так они и поднимались: Сандерс впереди примерно на полмили, росомаха позади. Она уже не ревела и не плакала, а только изредка поскуливала, то ли от голода, то ли от досады. Наконец под вечер она сдалась – легла на землю, и Сандерс, различив, как мелькает ее красный язык, слизывая снег, понял, что победил.

Он прошел еще футов двести, разжег костер и впервые подкрепился кофе и сушеным мясом, купленным у местных охотников. Он имел на это право – зверя он измотал в равных условиях, а теперь предстояло исполнить то, ради чего он все и затеял: зафиксировать свою победу. Это уже для истории. Для его собственной истории. Может, он еще сподобится завести семью и лет эдак через неизвестно сколько будет рассказывать детям, а может, и внукам, каким он был в молодости. А какой же охотничий рассказ без доказательства? Так, байка.

Росомаха заковыляла к лесу. Сандерс снял котелок с огня и, торопясь и обжигаясь, выпил кофе – следовало поспешить, так как далеко отпускать зверя было нельзя: он мог сделать петлю и напасть на преследователя...

К полудню они уже провели три раунда, как называл короткие схватки Сандерс: он преследовал зверя по глубокому снегу, а на открытых участках догонял, скидывал лыжи и бросался на росомаху в самоубийственной атаке. Самоубийственной для любого, но не для него – каждый отпуск он проверял себя на выносливость, скорость реакции, силу, находчивость и приобретенные качества еще ни разу его не подводили. В первый раз зверь был слишком свеж, и Сандерс едва вывернулся из-под тяжелого тела, откатился в сторону и отскочил на безопасное расстояние. Комбинезон на груди был порван, на лице осталась глубокая царапина – росомаха зацепила-таки длинным когтем. Рыча и припадая к

земле, она пошла на него, сверкая налитыми кровью глазками, но Сандерс, не подпуская ее слишком близко, кружил вокруг, делал короткие встречные броски, отскакивая назад, как только зверь поджимал лапы.

Три раунда – это было все, на что росوماхе хватило сил. Теперь она даже не оборачивалась, только коротко оглядывалась и показывала зубы в тщетной попытке отпугнуть назойливого преследователя. Пора было заканчивать – сколько можно мучить животное.

Сандерс увидел впереди ровную, почти бесснежную поверхность и прибавил шаг, обходя росوماху сбоку. Она почти не обратила на него внимания, продолжая двигаться по прямой, как потерявший управление кибер. Он забежал вперед и заступил зверю дорогу. Росوماха села, упираясь в снег мощными лапами с когтями длиной в два человеческих пальца. Из раскрытой пасти свисал красный язык, с морды капала пена.

Сандерс не торопясь снял рюкзак, развязал тесемки и стал выгружать оборудование – трофей не должен быть испорчен. Закончив, он вытащил нож и откинул капюшон комбинезона. Холодный воздух освежил разгоряченное лицо, ресницы мгновенно покрылись инеем.

Скинув перчатки, Сандерс решительным шагом двинулся на росوماху.

Зверь понял, что пришел момент истины: лапы его поджались, густая бурая шерсть на загривке встала дыбом. Скло-

нившись к земле, хищник выбирал момент для нападения, сторожа каждое движение человека. Зверь был измотан, обескуражен, но не сломлен, и Сандерс прекрасно это осознавал. Он имитировал резкий выпад, нога поскользнулась на корке снежного наста, и он нелепо взмахнул руками, в который раз кляня себя за пижонство: вроде и выпендриваться не перед кем, а все равно тянет изобразить из себя супермена. Впрочем, такое он позволял себе только вдали от неусыпного ока Конторы. Однако сегодня необоснованный риск мог сыграть плохую шутку – он даже не изучил как следует предполагаемую добычу. Так, послушал трапперов в фактории, посидел в баре, краем уха выуживая нужные подробности, вот и все...

Зверь будто ждал этой ошибки: мгновенно распрямились лапы, бросая в воздух мощное тело, и росомаха взвилась в прыжке, стремительно преодолевая разделявшие противников ярды. Сандерс успел лишь отклониться в сторону, пропуская мимо удар когтей, и два тела, свившись в яростной схватке, покатались по снегу.

Харис Ахмедзянов помешал в котле ложкой на длинной ручке, зачерпнул похлебку и, подув на дымящуюся жидкость, осторожно попробовал. Почмокав губами, он одобритительно кивнул.

– Эй, гяур! Похлебка поспела. – Харис подхватил котел двумя байковыми прихватками и снял с очага.

– Какая похлебка может быть из этой козы? – проворчал Игнат Семеряков, продолжая срезать длинные полоски мяса с кабаньей ноги. – Говорил: давай кабанчика приготовим, так нет, кабанчик, видите ли, нечистый зверь! Косулю ему подавай... У-у, басурман!

– Давай, давай, – поторопил его Харис, расставляя на струганом столе миски, – потом ругаться будешь.

Игнат отложил в сторону нож, прошел в сени к рукомойнику, вымыл руки и вернулся в избу. Харис тем временем нарезал хлеб и огромным черпаком разлил по мискам похлебку. Запах был такой, что Игнат покрутил головой.

– Слышь, басурман, может, по пятьдесят под козу?

– По пятьдесят, но не больше, – согласился Ахмедзянов.

Игнат достал толстостенные граненые стопки. Стекло было мутноватое, будто их после употребления ни разу не вымыли, но на самом деле стопкам было лет двести. Еще прапрадед Игната, один из первых поселенцев на Луковом Камне, основал эту заимку и завез сюда утварь, которой охотники до сих пор и пользовались. Правда, железные вещи сносились: ножи сточились, старый котел прохудился, миски и кружки проела ржавчина, так что теперь на кухонной полке тускло поблескивала утварь из пласта, но стопки, хоть и помутнели, служили исправно.

Разлив по стопкам кедровую настойку, Игнат поднял свою:

– Ну, чтоб рука была верной, а глаз острым!

– И чтоб собачки нюх не потеряли, – добавил Харис.

Они чокнулись. Игнат опрокинул стопку в заросший пегой бородой рот, Ахмедзянов выцедил свою аккуратно и не спеша. Синхронно взялись за ложки. Игнат отодвинул мясо в сторону и принялся хлебать истово, отрываясь от миски, только чтобы откусить хлеба. Ахмедзянов ел вдумчиво, прищуривая от пара и без того узковатые глаза.

В маленькие оконца светило заходящее солнце, оставляя на дощатом полу желтые квадраты. По краям окна мороз прошелся ледяной кистью. В избе пахло похлебкой, дымком от сгоревших в очаге поленьев, выделанными шкурами. Три крепко сбитые лежанки вдоль стен, на стене возле двери два охотничьих лучевика, вот и вся обстановка.

Игнат доел мясо из похлебки, повесил над очагом чайник.

– Что-то турист наш запропал, – сказал он, щепочкойковыряясь в крепких желтоватых зубах, – пять суток, считай, как ушел.

– Парень тертый, по всему видно. Не пропадет, – рассудительно ответил Ахмедзянов. – Если завтра не появится, можно пойти поискать.

– До завтра его заметет так, что и с собаками не найдешь.

– Если до сих пор не замело, то сутки ничего не решат.

За окном взбрехнули собаки – две охотничьи лайки. Игнат подошел к окну, наклонился, пытаясь разглядеть за морозными узорами, что потревожило собак.

– Во, легок на помине, – сообщил он, ухмыляясь в боро-

ду. – Вроде жив-здоров, шагает бодро.

– С добычей?

– Не видать. Сейчас спросим, где плутал и кого добыл.

Скрипнула входная дверь, в сенях затопали, сбивая с обуви снег, и Сандерс, слегка осунувшийся, но довольный, шагнул в избу вместе с клубами пара.

– Добрый день. – Он скинул капюшон и обтер ладонью лицо.

– День добрый, – прогудел Игнат. – Где ж тебя носило, сокол ясный? Вон Харис все глаза проглядел.

– К горам ходил, – ответил Сандерс, присаживаясь к столу. – Ух... ноги гудят.

– Понятное дело: это тебе не по стриту фланировать, – щегольнул сленгом Семеряков. – С добычей али как?

– С добычей, – слегка улыбнулся Сандерс, – возле крыльца валяется.

Игнат озадаченно почесал затылок, кивнул Ахмедзянову – пойдем, мол, – и направился в сени. Ахмедзянов внимательно посмотрел на Сандерса и вышел вслед за Игнатом. Сандерс, ухмыльнувшись, потер заросший щетиной подбородок.

В сенях что-то грохнуло, послышалась возня. Ворвавшийся в избу Игнат кинулся срывать со стены лучевик. В дверях показался Харис, отступающий в избу спиной вперед.

– А-а, черт, батареи где? – крикнул Игнат.

– Ты же сам их куда-то засунул, – отозвался Харис.

- У-у, что б тебе... турист! Ты хоть знаешь, кого привел?
- На росомаху похож, – сказал Сандерс, пряча улыбку.
- Медведика привел, хмырь инопланетный!

Не выдержав, Сандерс расхохотался:

- Да вы что, господа трапперы, это ж голограмма!

Игнат с Харисом переглянулись. Семеряков отложил оружие, выглянул в окно и, сокрушенно покачав головой, обернулся к Ахмедзянову:

- А ведь и вправду зверь-то ненастоящий. И собачки молчат. Ну-ка выдь погляди еще раз.

- Сам выдь, – отказался Ахмедзянов.

- Пошли вместе. – Сандерс поднялся со скамьи.

Втроем вышли во двор. Возле крыльца сидел зверь в натуральную величину, с оскаленных клыков стекала слюна, длинные когти впились в снег, будто он готовился к нападению. Совсем рядом с ним, вольготно развалившись, лежали прямо на снегу две лайки: Черныш и Гром.

Игнат обошел голограмму, цокая языком.

- Зверь-то, по всему виду, замотанный совсем. Больной, что ли, был?

- Почему больной? – обиделся Сандерс. – Здоровее нас с вами. Четверо суток меня гонял. А потом я его.

- Медведика гонял? – Семеряков снова почесал затылок. – Однако, ты крут, парень, если не врешь. Комбинезон-то он тебе порвал?

- Он, – коротко ответил Сандерс, с сожалением разгля-

дывая порванный рукав. – Достал-таки, злодей. Так вы этого зверя медведиком зовете? А я подумал – росомаха.

– Ну ты сказал! Росомаха раза в два мельче, а этот до медведя не дотянул, а ее перерос. И плачет он жалобно, прямо убивается, когда на добычу идет. Морда опять-таки забавная, вот и прозвали медведиком.

– А что ж ты зверя взял, а шкуру бросил? – спросил Харис. – Не дело. Хотя и не промысловая, но как трофей сгодится. Или продал бы кому – медведик дорого стоит.

– Да я шкуру и не снимал, – беспечно сказал Сандерс.

– Ну, понятно, – пробурчал Игнат, – турист и есть. Зверя пришиб, ни мяса не взял, ни шкуры. Тьфу...

– Да не убивал я его, – расплылся в улыбке Сандерс, – загнал, как он лосей загоняет, сфотографировался в обнимку – он уже и огрызаться сил не имел – и ушел. А он там, на просеке, где болота начинаются.

– Далеко? – деловито осведомился Ахмедзянов.

– Часа три, если по прямой.

Игнат с Харисом переглянулись и, не сговариваясь, стали собираться: один двинулся в избу за лучевиками, другой присел на бревно возле стены и принялся внимательно осматривать широкие, подбитые мехом лыжи.

Сандерс обошел вокруг голограммы, любуясь зверем, потом выключил голограф и, вроде как недоумевающее, взглянул на охотников:

– А вы далеко?

– Пойдем медведика твоего подберем. Если ты его загнал, как говоришь, взять его просто будет. Мясо – собачкам, а шкуру – туристам.

– Шкура порченная, – предупредил Сандерс.

– Как так?

– Я ему вдоль хребта термопаром от комбинезона прошелся. Шерсть обесцветил, а новая только к следующей зиме будет.

Игнат, вставлявший батареи в лучевик, замер с открытым ртом.

– Это ж зачем?

– Да вот показалось мне, что вы его добить захотите, – пояснил Сандерс.

– Правильно показалось, – проворчал Харис.

– Засранец ты, парень, – в сердцах бросил Игнат. – А мы тебе кулеш сварили. Из косули. А ты вон как.

Посмеиваясь, Сандерс смотрел, как они потоптались возле крыльца и молча ушли в избу.

Солнце катилось за потемневший к вечеру лес, на снегу легли длинные тени. Сандерс достал из рюкзака несъеденное мясо и бросил собакам. Усталость все-таки догнала его, но на душе было легко и спокойно, несмотря на то что мужики, похоже, обиделись. Ну не нравилось ему в последнее время лишать жизни зверье. Они-то чем виноваты, что уродились с красивыми шкурами или ветвистыми рогами? Впрочем, может быть, все дело было в том, что похвастаться чучелами он

пока, до поры до времени, позволить себе не мог... но в голографе у него уже была целая коллекция изображений животных с нескольких планет, вот и отсюда, с Лукового Камня, еще одно прибавилось. Сандерс вспомнил, как медведик смотрел ему вслед, то ли не веря, что остался живой, то ли не соображая совсем ничего от усталости. Разницы, впрочем, не было. А то, что Сандерс подпортил на время шкуру зверю, так это даже лучше – проживет дольше.

Мороз пробрался под комбинезон, Сандерс передернул плечами и пошел в избу.

Игнат вострил нож на оселке, Ахмедзянов, постукивая молотком, чинил капкан.

– Так где кулеш обещанный? – примирительно спросил Сандерс.

– Вон, в котле, – буркнул Игнат.

Сандерс скинул комбинезон, умылся и, навалив себе полную миску густой похлебки, взглянул на охотников. Он познакомился с ними неделю назад, когда, прилетев на Луковый Камень, решил на этот раз поохотиться в средней полосе, где как раз была зима. В фактории, куда Сандерс обратился с просьбой указать местных охотников, словоохотливый менеджер сказал, что только что два траппера набрали припасов, собираясь месяца на два в зимовье. Сандерс нашел их в местном баре, где Игнат и Харис заправлялись в дорогу тушеной в горшочках бараниной с зеленым горошком. Сандерс присел к столу, поставил трапперам выпивку, от кото-

рой они отвернулись – в дорогу, мол, выпивать не следует, – и сначала наотрез отказались брать его с собой. Мол, охота дело опасное, а он здесь человек новый, неопытный (или, как здесь говорили, необыкший). Но на счастье Сандерса, в баре, оформленном в полном соответствии с местными охотничьими традициями, в центре увешанной трофеями стены на самом почетном месте царствовало чучело риталуса (вернее, как потом выяснилось, не чучело, а муляж). Сандерс не удержался и кивнул чучелу как старому знакомому, на что обратил внимание Харис.

– Что, трофеем присмотрел? – Он хмыкнул. – И не думай. Мы с Игнатом уже почитай пятый десяток лет в леса ходим, а туда, где тварюги водятся, нас никаким калачом не заманишь.

Сандерс покачал головой:

– Да нет... я на этих ящерок никогда руку не подниму.

Охотники, уловив в его голосе не столько страх, сколько уважение, заинтересованно переглянулись.

– Это почему же?

Сандерс усмехнулся:

– Они столько раз вытаскивали мою задницу из полного дерьма...

Трапперы удивленно уставились на него:

– Где это?

– Там, – Сандерс кивнул вверх, – у моего друга была пара таких. И если бы не они, я бы тут перед вами не сидел. Хотя

всегда считал себя крепким парнем.

Охотники вновь переглянулись, потом Игнат осторожно спросил:

– А как звали этого твоего друга?

– Касьян.

Игнат понимающе кивнул:

– А-а-а, младшенький из Полубоев... – Он на мгновение задумался, затем бросил испытующий взгляд на Хариса и вдруг предложил: – А знаешь, паря, коль не передумал, так и пошли.

Причем от денег они отказались наотрез. Харис просто презрительно фыркнул, а заросший бородой Игнат укоризненно посмотрел на Сандерса:

– Ты, паря, эти замашки демократические брось.

Тут Сандерс едва сдержал улыбку. Он знал, что в Российской Империи среди, так сказать, простого народа слово «демократический» имело явно негативный оттенок. Отчего так получилось в государстве, где все органы власти от уличных старост до губернаторов планет являлись избираемыми, а правительство формировалось на основе партии, получившей большинство в парламенте, – терялось в веках. Но столкнуться с этим вот так, нос к носу, оказалось весьма забавным.

– Это у вас, в Содружестве, как я слышал, за все платить надо, а здесь отродясь такого не было. Будешь вровень с нами избу убирать, дрова рубить, а больше от тебя ничего и

не требуется. Ну, если для согрева возьмешь чего с собой, так от этого не откажемся, – добавил Игнат, помолчав. – Не откажемся ведь, Харис?

– Дар гостя – священный дар, – кивнул смуглый Харис, – Аллах не простит отказа.

Сандерс, удивляясь обилию редких напитков в баре, купил бутылку коньяка «Très Vénérable Délamain» и водку «Династия», о которой слышал, что она производится под патронажем августейшей фамилии российских самодержцев. Судя по цене, сравнимой со стоимостью коньяка, в это можно было поверить.

Водку они выпили в первый же вечер, по приезде в зимовье, а коньяк Сандерс решил оставить напоследок. Теперь было самое время открыть заветную бутылку.

– А что, господа, у меня тут бутылочка завалялась, – сказал он. – За удачную охоту, а?

– Это смотря что называть удачей, – хмыкнул Игнат.

Все еще хмурясь, он слазил в погреб, где с осени хранились соленья, Харис расставил мелкие тарелки под закуску. Сандерс уже заметил, что делали они все сообща, не сговариваясь, – видно было, что вместе мужики охотятся не первый год.

По избе поплыл аромат французского коньяка. Игнат повел носом.

– Это что ж за парфюмерия?

– Коньяк. Пятьдесят лет выдержки, – с притворной

небрежностью ответил Сандерс, жалея, что такой напиток приходится разливать в непрезентабельные стопки, а не в подходящие тонкостенные бокалы-тюльпаны.

Игнат по привычке опрокинул коньяк в рот, Харис выпил маленькими глотками, Сандерс, как положено, насладился букетом, покатал напиток во рту и только после этого проглотил. Почмокав, Семеряков пожал плечами и подцепил на вилку соленых груздей.

– Ничего, пить можно. Только во рту – будто доски дубовые грыз и одеколоном запивал.

– А мне нравится, – не согласился Ахмедзянов, – мягкий, как поцелуй непорочной девы.

– Я вот Наташке расскажу, какие тебе девы мнятся, – пригрозил Игнат, похрустывая маринованной черемшой. – Сестру мою охмурил, басурман, а теперь, вишь ты, на непорочных потянуло, – пояснил он Сандерсу.

– Э-э, друг, мы уж с ней столько живем, что она только посмеется. А вот что кедровку каждый день пьешь, так это обязательно Наиле передам. Она тебе...

– Во-во... как друга заложить, так это ты можешь. – Игнат снова разлил коньяк. – Давай добьем твое пойло и нашей попробуешь. – Он подмигнул Сандерсу, качнув головой в сторону Ахмедзянова: – Вот дал Бог родственничка. Племянницу его сосватал, почитай уж пятьдесят годов, так с тех пор с ним и мучаюсь.

Когда Сандерс в первый раз прилетел на планету, о ко-

торой ему столько рассказывал Касьян Полубой, его поразила патриархальный уклад жизни поселенцев. Крупных городов не было – в столице жили едва ли тридцать тысяч. Селились в основном в умеренном поясе, видно по привычке. Преобладали фермерские хозяйства, основанные по семейному принципу. Поселки золотодобытчиков, несколько рыболовных хозяйств по берегам океана, но основное занятие – сельское хозяйство.

Заветной мечтой Сандерса было найти новорожденных риталусов и приручить хоть парочку. Да и на одного он бы согласился. При осторожных расспросах отношение местного населения к вывозу зверьков с планеты открылось как резко отрицательное. Местные риталусов сами не трогали и другим не давали; впрочем, и охотников не было – те, кто знал, что собой представляют эти животные, старались держаться от них подальше. Два отпуска Сандерс провел в стильных полупустынях Лукового Камня, где обитали риталусы, но так ни одного и не увидел. Может, и к лучшему. Смирившись, он уже собрался было поискать приключений на других планетах, как вдруг понял, что полюбил этот мир, где быт и нравы так отличались от всего, к чему он привык в Содружестве Американской Конституции. Люди, что ли, были проще, дружелюбнее, и если в Содружестве только декларировалось, что, мол, относись ко всем людям как к достойным, пока они не докажут обратного, то здесь и жили по такому принципу. Хотя, если вспомнить, и на тех планетах Россий-

ской Империи, где Сандерс успел побывать, отношения между людьми были такими же.

Вот и Семеряков с Ахмедзяновым приняли его как старого друга, безобидно подкалывая за неумение ходить на охотничьих лыжах и некоторые аристократические привычки, которые помогали в общении в Содружестве, но здесь оказались совершенно не к месту.

Игнат уже разлил по второй стопке кедровой настойки, и Сандерс почувствовал, что голова идет кругом – в настойке было градусов семьдесят. Они с Семеряковым закусывали салом, подмороженным, с розовыми прожилками, Ахмедзянов налегал на маринады и соленья.

– ...вот так и живем, – говорил Игнат, подкладывая гостю грибов, – испокон у нас тут русские фамилии в ходу. Роднимся между своими: Семеряковы с Ахмедзяновыми, Крутиковы с Махтимагомедовыми, Бакулевы со Шнеерзонами. По воскресеньям кто в церкву, кто в синагогу, а кто в мечеть ходим.

– А что, – спросил захмелевший Сандерс, – Шнеерзон или Махтимагомедов – русские фамилии?

– А то какие же? – Игнат в удивлении хлопнул себя по колену. – Самые что ни на есть русские! Ты не смотри, что вера разная. Как жили исстари на Святой Руси, на Земле еще, так и на нашем Камушке со времен заселения повелось. У меня сестра вон за Хариской замужем, а брательник – Верку Шнеерзон взял. Ты у себя там, в демократии, по верам и на-

циям живи, а мы как были все русские, так и будем!

Ахмедзянов, тоже порядочно захмелевший, согласно кивал, слушая разглагольствования родственника.

Назойливый писк привлек внимание Сандерса. Залпом выпив кедровку, он подошел к своей лежанке, накрытой медвежьей шкурой, покопался в сумке. Так и есть – коммуникатор пищал, прерывисто подмигивая сигнальным огоньком.

– Твоя техника пищит? – спросил Харис. – Уже второй раз. Еще вчера заливалась, да мы трогать не стали.

Сандерс взял коммуникатор и вышел во двор.

Присев на бревно возле стены, он включил прибор и прочитал сообщения. Оба были из Конторы, и если первое можно было расценивать как предложение, то во втором уже отчетливо звучал приказ.

К нему подошли собаки, умильно заглядывая в глаза и вертя хвостами. Гром ткнулся черным носом в руку. Сандерс потрепал его по холке.

– Нет ничего, ребята. Не велит Игнат вас баловать.

Он взглянул на незнакомые созвездия, на крупную синеватую луну, повисшую над лесом, и в который раз позавидовал Полубою, который родился и вырос на Луковом Камне, среди этих людей и этой природы. Самому Сандерсу о детстве вспоминать было не больно приятно: что хорошего в нищете, зависти, постоянной заботе о куске хлеба? Нет, пожалуй, мысль о том, чтобы после выхода на пенсию перебраться сюда навсегда, вполне стоящая. Впрочем, по большому сче-

ту, совершенно нереальная. Вряд ли Контора выпустит его из-под своего негласного, но неусыпного контроля. А возможности осуществлять такой контроль здесь, на территории Российской Империи, даже у его Конторы были крайне ограничены. Вот и сейчас ему приходилось идти на всяческие ухищрения, чтобы выпасть из-под ее неусыпного ока хотя бы на время отпуска. И Сандерс так до конца и не был уверен, действительно ли ему это удавалось, или просто Старый Лис Вилкинсон давал ему возможность слегка побрыкаться на длинном поводке, старательно складывая донесения Службы контроля в некую заветную папочку. Не столько из-за того, что действительно собирался в скором времени пустить ее в ход, сколько потому, что иметь такую папочку под рукой никогда не лишне. Мало ли как сложится жизнь. В такой структуре, как Контора, всегда полезно иметь возможность выйти из-под удара. А это чаще всего означает подставить под удар кого-то еще – начальника, просто коллегу, подчиненного или даже своего лучшего агента...

– Завтра уезжаю, – сообщил он, входя в избу.

– Ну, тогда по последней. – Семеряков разлил настойку. – Что, начальство отдохнуть не дает?

– Вроде того.

– Никогда не любил под кем-то работать и не стану никогда. – Игнат рубанул рукой воздух. – Хватит с меня Наили, так еще и чужому дяде в рот смотреть? Если ты мужик, то решать должен сам...

– Ладно, чего ты завелся? – успокоил его Ахмедзянов. – Может, человеку это тоже поперек горла.

– Ну, чтоб дорога была легкой, а память долгой. – Игнат чокнулся с Сандерсом. – Заезжай, если что, турист.

Глава 1

Рейс «Золотой лагуны» подходил к концу – уже объявили посадочную готовность, и Сандерс, коротавший время на обзорной палубе, спустился в каюту. Переодеваясь в костюм из тонкой шерсти, он с удовлетворением разглядывал себя в зеркало. Загар лег прекрасно, и пусть кто-нибудь докажет, что он провел отпуск не на тропических островах Сан-Висенте, а где-нибудь еще. Как всегда в последние годы, он во время пересадки с рейса на рейс выкраивал минутку для посещения солярия. Причем не шикарного, с массажем и девушками, а какого-нибудь скромного, где делают только то, что просит клиент, и не задают ненужных вопросов. На лайнер компании «САК спешл» он пересаживался только для прибытия к месту службы, привычно запутывая следы.

Через полгода после возвращения с Хлайба Ричард Сандерс пришел к выводу, что с карьерой полевого агента надо постепенно заканчивать. Тех впечатлений, которые он получил на Хлайбе, ему хватит до конца его дней (во всяком случае, так ему казалось), а вот некие необычные способности, которые он приобрел в странствиях по Гною и в которых сам еще не до конца разобрался, вполне могут привлечь к нему внимание яйцеголовых. И тогда его очень надолго (если не навсегда) запрут в стенах специального научного подразделения Конторы. Впрочем, уходить из Конторы Сандерс то-

же не собирался. Он подозревал, что чудовище, с которым они с Полубоем встретились в подземельях Гноя на Хлайбе, не одно на этом свете и людям рано или поздно придется столкнуться с целой кучей этих тварей. Причем это столкновение будет таким, что не стоит даже и думать попытаться отсидеться где-нибудь на глухой окраинной планете, поскольку если эти твари выиграют, то рано или поздно доберутся до всех. А Контора будет одной из первых, где об этом столкновении узнают... Так что после долгого обдумывания сложившейся ситуации Ричард пришел к выводу, что наиболее разумным для него выходом будет остаться в Конторе, но перевестись на некую должность с меньшим уровнем ежедневного адреналина. Однако после Хлайба он числился в «великих охотниках», поэтому нужно было как-то продемонстрировать окружающим вообще и Старому Лису Вилкинсону в частности, что он «сломался», «потерял кураж». Причем основная трудность состояла в том, что сделать это надо было так, чтобы это не пошло в ущерб заданию. Дик никогда бы не простил себе, если бы задание провалилось по его вине. Это было выше его сил. А сделать так, чтобы и задание было выполнено, и в то же время сам Дик несколько облажался, было еще той задачкой. При обычных обстоятельствах практически неразрешимой. Однако слава Господу, Федеральное бюро как раз переживало очередной этап притока «свежей крови». И за последнее время личный состав Конторы обновился почти на четверть, а пул полевых

агентов даже более, чем на половину. Причем подавляющее большинство молодых агентов обладали столь ценимыми руководством амбициями и, как это деликатно именовалось, «предрасположенностью к жесткой конкурентной борьбе». И Сандерс рассчитывал, что эти молодые, амбициозные и нацеленные на «жесткую конкуренцию» неофиты сыграют в его плане главную роль. В таком возрасте труднее всего даются взвешенные оценки, а мир видится резко и контрастно. Так что достаточно нескольких небольших промахов, пары огрехов – и все, бывший кумир тут же низвергается с пьедестала и объявляется «старой развалиной». Сложнее было с Вилкинсоном...

Год назад Сандерс впервые упустил подозреваемого. Нет, Нефритовый Ху, скромный владелец небольшого китайского стриптиз-бара на 88-й стрит, исправно отстегивающий по полторы тысячи банкнот местному начальнику полицейского участка, которого знала каждая собака в нью-питтерсбергском чайнатауне, и по совместительству глава жутко законспирированной сети торговцев живым товаром с годовым оборотом в полтора миллиарда соверенов, далеко не ушел. Его топтер, управляемый бывшим профессиональным гонщиком, рухнул на землю, едва пересек городскую черту. По официальной версии, у топтера отказали стабилизаторы. Слава богу, мастерство пилота-гонщика оказалось на высоте, и тот сумел у самой земли обуздать взбесившийся аппарат. Так что незадачливого беглеца и его пилота, отде-

лавшихся ушибами и царапинами, повязали обыкновенные местные полицейские, уже знавшие, кто находится в рухнувшей машине. Объяснялось это просто: Сандерс, едва топтер Ху, проломив крышу, взвился в небо, тут же послал панический сигнал о бегстве опасного преступника и регистрационном знаке топтера по местной полицейской волне... Так Сандерс, не дав-таки уйти преступнику, в первый раз сделался всеобщим посмешищем. Потому что нет и не было в Конторе большего позора, чем когда твою работу за тебя сделали полицейские. И никто так и не додумался поинтересоваться, а чего это в находившемся всегда в идеальном состоянии топтере Ху вот так сразу и вдруг отказали стабилизаторы и откуда Сандерс узнал регистрационный знак топтера, о котором до момента побега вроде бы никто даже и не подозревал... Да и зачем? Ху пойман, а что там случилось с его топтером – кому это интересно? Потом была еще пара проколов, но уже помельче, однако обсуждаемых не менее активно. Так что к настоящему моменту «старина Сандерс» был в Конторе первым кандидатом на бумажную работу. И честно говоря, все недоумевали, почему Старый Лис его еще не убрал. Хотя версия у народа была. После Хлайба Сандерс, по общему мнению, некоторое время ходил у шефа в любимчиках. Тот даже выдал ему рекомендацию для вступления в «Придорожного бродягу», элитный гольф-клуб, где люди по большому счету уже давно собирались не поиграть в гольф, а... Впрочем, те, кто там собирался, старались ни-

когда не обсуждать этого, кроме как в кругу людей, с которыми они как раз и собирались. В общем-то, Сандерс явно не дорос до такого уровня, и за полтора года членства он всего лишь три раза после игры оставался на «частные коктейли», но членство было необременительным: взносы вносить не требовалось, обязательных мероприятий, в которых необходимо было участвовать, не проводилось. Единственное, что пришлось Сандерсу сделать, – это купить клюшки для гольфа (до этого он брал их напрокат) и оплатить пошив пары клубных пиджаков (что обошлось ему в двухмесячную зарплату). Но Дик знал, что не одна тысяча людей, которые были в десятки раз богаче и влиятельней его, готовы были отдать половину своего состояния, дабы завладеть членской карточкой этого клуба. Так что как ни крути, а то, что у него появилась эта карточка, вполне могло считаться еще одним подтверждением воплощения его юношеских мечтаний об обеспеченной и респектабельной жизни...

Еще одним признаком «потери куража» в Конторе было приобретение загородной недвижимости. Неофициально считалось, что те, кто начинал вкладывать деньги в загородную недвижимость, внутренне как бы уже соглашались с тем что «вышли в тираж», и начинали перестраивать свою жизнь по лекалам обеспеченного буржуа. Поэтому Сандерс перед самым отпуском купил в пригороде небольшое ранчо. Впрочем, этот поступок не только работал на укрепление выбранной им маски, но и отвечал его собственным желаниям. Го-

стиницы и съемные квартиры в мегаполисе хороши в определенном возрасте, когда кажется, что жизнь вечна, а удовольствия разнообразны. Женщины? Конечно, они наскучить не могут, особенно если их часто менять, но даже те необременительные отношения, которым Сандерс отдавал предпочтение, требуют хоть каких-то усилий, а спрашивается: зачем? Вряд ли он найдет что-то новое, так стоит ли распускать хвост, подобно павлину, когда вполне можно пригласить на ранчо одну, двух или сколько там тебе понадобится девиц, которые четко знают, что от них хотят, и не претендуют на место в его, Сандерса, жизни. Впрочем, иногда у него появлялось ощущение, что собственный цинизм – только маска, на самом деле он просто не может забыть ту, единственную, которая осталась лишь в памяти. Но он гнал от себя эту мысль, потому что в тот единственный раз, когда Ричард ей поддался, он напился не просто до зеленых, а до сине-оранжевых чертиков в глазах...

Мышцы привычно среагировали на небольшое изменение силы тяжести – корабль вышел на посадочную глиссаду. Все лайнеры «САК спешл» в полете чуть заметно снижали силу тяжести по сравнению с планетной: считалось, что тогда клиентам, особенно с излишним весом или пожилым, полет покажется более приятным. У некоторых даже появилась своеобразная фобия – от отпуска до отпуска человек только и мечтал, чтобы оказаться на борту корабля и вновь почувствовать себя легким и молодым. Молодым Сандерс се-

бы уже не считал, но и до старости было далеко, так что дискомфорта ни на земле, ни в полете он не чувствовал. Тем более что по работе не так уж и часто выпадало добираться до места на круизных лайнерах.

Мягкий перезвон возвестил, что до посадки осталось пять минут. Сандерс еще раз придирчиво оглядел себя, посмотрел на часы. Жаль, что не успеет заехать на ранчо, но повторный вызов, после которого он дал о себе знать, предполагал появление в штаб-квартире немедленно после прибытия.

Сюзи, вечная секретарша шефа, встретила его улыбкой. Если пять, да что там, три года назад в ее улыбке, встречающей каждого агента, преобладала женская заинтересованность, то теперь все чаще в ней проскальзывали какие-то сестринские, если не сказать – материнские признаки. Дело в том, что, устав ждать предложения руки и сердца от своих постоянных поклонников из числа работников ведомства, Сюзи неожиданно взяла, да и вышла замуж. Как и все в Конторе, Сандерс немало подивился ее выбору: Сюзи, неукротимая воительница, никому не дававшая спуска в спаррингах и вроде как явно отдающая предпочтение здоровенным мужикам с накачанными мышцами, вышла за коротышку и книжного червя Ирвина Канингема, преподававшего математику в местном университете. На брачной церемонии, глядя на немного растерянное, но все же счастливое лицо жениха, на его угловатую нелепую фигуру и типичную для людей не от мира сего рассеянную улыбку, Сандерс вдруг понял, что Сю-

зи просто повзрослела и поняла, что ей не нужен крепкий мужик, на чьем плече она смогла бы выплакать свои причудливо и чаще всего из ничего возникающие женские слезы. Во-первых, чтобы выжать слезы из глаз Сюзи, надо было очень постараться, а во-вторых, она и сама могла поддержать кого угодно. Так что на самом деле ей нужно было найти себе кого-нибудь, о ком она могла бы заботиться, окружить вниманием и опекой и вести по жизни, отводя все невзгоды и убирая с пути трудности и неурядицы. Что она и сделала.

После свадьбы Сюзи резко изменила образ жизни и стала заметно спокойнее. Если раньше стоило ее чуть-чуть подначить, и вызов на спарринг был обеспечен, то теперь она снисходила до возни в спортзале только с двумя-тремя старыми партнерами, в число которых входил и Сандерс. Да и внешне она тоже изменилась. Крепкое спортивное тело, грацией и силой которого Сандерс неоднократно любовался в спортивном зале, стало более женственным: исчезли, сгладились рельефные мышцы, однако ее реакции мог позавидовать любой полевой агент, и она и сейчас оставалась серьезным противником. Детей у них не было, и нерастраченные материнские чувства она перенесла на своих знакомых одиноких мужчин и на учеников мужа.

– Миссис Канингем? – пропел Сандерс, возникая возле ее столика в приемной шефа.

– Дик, боже мой! Как тебе удастся так подкрадываться? – Улыбка Сюзи была такой лучезарной, что сразу стало ясно:

она была неподдельно рада ему.

Она была одной из единиц среди сотрудников Конторы, которых затеянная Сандерсом мистификация не смогла бы переубедить ни при каких обстоятельствах. Ну да он не очень-то и пытался. Небольшой процент тех, кто все равно будет считать его «крутым парнем», был вполне допустим. Особенно если они будут, так сказать, из числа ветеранов. Остальные решат, что столь упорное нежелание «видеть реальность» вызвано не столько действительными возможностями Сандерса, сколько сконцентрированным в нем, как в точке фокуса, нежеланием ветеранов признавать, что все меняется и что они уже не столь круты, как раньше. Впрочем, с большинством подобных единиц так оно и было. Но с Сюзи было по-другому. Партнера по спаррингам, да еще столь опытного, как она, обмануть невозможно. Ну и ладно. В конце концов, это позволяло ему быть с Сюзи самим собой. Время от времени...

– Я же старый шпион, миссис Канингем!

– Прекрати обзывать меня миссис Канингем – я начинаю сразу чувствовать себя старухой. Как отдохнул? – В ее вопросе проскользнули нотки ревности, но это была уже не ревность одинокой женщины, а так, ее слабые отголоски.

– Синее море, белый песок, пальмы... Как всегда, все было прекрасно, – ответил Сандерс.

– Ну и конечно женщины, шикарное общество!

– Общество действительно было шикарное. – Сандерс

вспомнил Семерякова и Ахмедзянова и улыбнулся. – А это тебе, чтобы не скучала и не думала, что я про тебя забыл. – Он протянул ей веточку орхидей с Сарториуса, купленную на «Золотой лагуне».

– Спасибо, – деликатно поблагодарила Сюзи, озадаченно рассматривая поникшие бутоны.

Сандерс внутренне усмехнулся. Да уж, подарить женщине, привычно ожидающей великолепного букета (он сам приучил ее к тому, что каждый раз, возвращаясь из отпуска, вручал ей роскошный букет из каких-то экзотических цветов), засохшую веточку...

– Тут есть небольшой секрет...

– Да? – Сюзи заинтересованно посмотрела на него.

– Достаточно сделать вот так... – Сандерс подул на веточку, и бутоны на глазах распустились, заиграв золотыми блестками.

Сюзи восхищенно ахнула:

– Ух ты... прелесть какая!

– Через пять минут они закроются, но ты всегда сможешь возродить их к жизни, и они будут снова свежи и прекрасны. Как Ирвин?

– Как всегда, тонет в своих формулах, – вздохнула Сюзи, – может и не есть, и не спать, лишь бы не мешали работать. Такая морока с этими учеными. – Она снова немного картинно вздохнула.

– Ну-ну, рядом с такой женой и не хотеть спать? – Сандерс

сделал круглые глаза. – Кстати, насколько я знаю, выйдя замуж, все женщины начинают мечтать о детях.

– А у нас вместо этого десятков аспирантов, которых нужно довести до диссертации.

– Дорогая, – Сандерс склонился к ней и заговорщицки подмигнул, – но ведь все в твоих руках! В твоих крепких, надежных руках!

– Да-а?.. – задумчиво протянула Сюзи. – А это мысль. Спасибо, Дик, с меня три раунда на ринге.

– Прибереги силы для Ирвина, – усмехнулся Сандерс. – Шеф не сильно нервничал, когда я не отозвался на вызов?

– Не сказать, чтобы очень, но сегодня уже справлялся, не появился ли ты.

– Не знаешь, что за дело? – на всякий случай спросил Сандерс.

Обычно Сюзи даже если и знала, что ему предстоит, никогда не говорила об этом, но, похоже, операция с покупкой ранчо за время его отсутствия была обсуждена в Конторе не раз и не два, и, как он и рассчитывал, большинство уже списало его со счетов. Так что во взгляде Сюзи мелькнула жалость, и она внезапно смиростивилась.

– Кажется, что-то такое не совсем по нашему ведомству, – наморщив лоб, сказала она. – Но ты ведь не откажешься?

– Откажусь – сошлют в архив, а полевой агент должен умирать в поле на вольном ветру, а не в архиве, задыхаясь бумажной пылью! – провозгласил Сандерс. Это тоже было

традицией Конторы. Несмотря ни на что, полевому агенту полагалось хорохориться до последнего и уходить со своего поста с апломбом и на чем свет стоит ругая «интриги завистников». – Доложи старику, что я здесь.

Сюзи сообщила по настольному коммуникатору, что агент Сандерс прибыл, и приглашающим жестом указала на дверь в кабинет шефа.

Кабинет не претерпел изменений за все время, что Сандерс работал в Конторе. О дубовом столе на массивных ножках по управлению ходили легенды: что в столешницу встроены плазмобои, что стол оборудован индивидуальными антигравами, чтобы вынести хозяина кабинета через автоматически распахивающуюся крышу в случае покушения. Да бог знает что еще приписывали обстановке кабинета и его хозяину, Уильяму Вилкинсону. Большинство слухов слухами и оставались, постепенно переходя в разряд легенд. Впрочем, насчет плазмобоев Сандерс не был уверен.

– Сандерс! – Старый Лис Вилкинсон чуть развернул кресло в сторону входной двери и слегка опустил подбородок, приветствуя агента. Сандерс знал, что это едва ли не наивысшие почести, которые шеф способен оказать посетителю своего кабинета. Большинство из них в лучшем случае удостоивались всего лишь движения левой бровью. – Рад видеть.

– Спасибо, сэр. – Сандерс склонил голову в ответном поклоне и быстро, но без суетливости опустился в кресло для посетителей напротив стола Вилкинсона.

Шеф кивнул, отвернулся и посмотрел в окно, по которому текли струйки дождя.

— Как отдохнул?

— Отлично, сэр.

— Тем лучше. А у нас тут, видишь, дожди, дожди...

Вилкинсон картинно вздохнул, вновь взглянул на Сандерса, приподнял правую бровь, затем опустил ее, и Дик слегка напрягся. Похоже, шеф собирается поручить ему нечто совершенно уж необычное. И это могло означать, что его игра в потерявшего кураж агента закончилась полным провалом. Впрочем, как и то, что она полностью удалась...

— У меня есть для тебя задание.

— Я весь внимание, сэр.

— Вообще-то оно не совсем для тебя, и если бы я был свободен в своем выборе, я бы вряд ли тебе его поручил...

Сандерс едва не вздрогнул. Услышать такое признание от Старого Лиса...

— ...но на твоей кандидатуре настаивал сам председатель Комитета по вопросам безопасности, сенатор Линдер.

Сандерс едва не скрипнул зубами. Черт! С сенатором Линдером они встречались всего два раза. Один раз около года назад на партии в гольф, когда Сандерс слишком увлекся и обошел сенатора, считавшегося отличным игроком, на пять ударов. А второй раз месяца через три после первого, на одном из «частных коктейлей». Причем на том, на котором Дик как раз засветился, предложив пару оригинальных хо-

дов, изрядно продвинувших обсуждаемую проблему. Кроме того, несомненно сенатор был знаком и с его участием в деле на Хлайбе. И Сандерс прекрасно представлял, какое мнение сложилось у Линдера о нем самом. Так что, если задание окажется из тех, на которых невозможно облажаться, не завалив его, вся его предыдущая работа по созданию имиджа потерявшего кураж пойдет псу под хвост...

Сандерс решился на почти безнадежную попытку:

– Сэр, последнее время я...

– Это не обсуждается, Дик. – Голос Вилкинсона был сух и негромок, но Сандерс понял, что шансов отвертеться у него никаких.

– Да, сэр. – В голосе Сандерса столь ясно сквозило разочарование, что Вилкинсон слегка сдвинул брови.

Пару мгновений в кабинете висела напряженная тишина, а затем Старый Лис продолжил:

– Итак, перейдем к делу. Прежде всего, что ты знаешь о «Божественном откровении»?

– Только то, что меня оно не посещало, сэр.

Сандерс решил, что некая доля фрондерства не помешает. И оказался прав. Вилкинсон не только не отреагировал на его выпад негативно, но счел возможным пошутить в ответ:

– Меня тоже. Но я говорю о религиозной организации с таким названием.

– В таком случае – ничего, сэр. Я добрый католик и не больно интересуюсь новомодными течениями.

– Похвально, – кивнул Вилкинсон, – однако новое дело связано напрямую с этой организацией, или, скорее, сектой. «Божественное откровение» попало в поле нашего зрения относительно недавно. После того как несколько десятков недорослей, имеющих весьма высокопоставленных родителей из числа политиков и капитанов крупного бизнеса, попались в их сети. Среди них, кстати, и дочка сенатора Линдера. Именно этим и вызван столь придирчивый подбор исполнителя.

Сандерс понимающе кивнул. Что уж тут непонятного. Если газетчики пронюхают что-нибудь, поднимется буря! Ураган, по сравнению с которым прошлогоднее покушение на президента покажется легким сквознячком из неплотно прикрытой форточки. Вот дьявол! Похоже, он влип настолько крупно, что все его усилия пошли насмарку. Провалить это дело означает вылететь из конторы с волчьим билетом, а если он сумеет вытянуть из дерьма отпрысков столь видных папаш и мамаш, то любые его огрехи будут совершенно забыты. Впрочем, сначала следовало ознакомиться с делом...

– Материалы получить у Кастерса?

Вилкинсон отрицательно качнул головой:

– Нет, у меня. – Старый Лис встал, обошел стол, открыл сейф, достал из ящика футляр с кристаллом и запустил его по столу по направлению к Сандерсу. – На ознакомление даю сутки – там не так уж и много. Завтра к трем пополудни жду с предварительным анализом и разработкой действий.

Сандерс спрятал футляр в карман и поднялся из-за стола.

– Сроки исполнения задания? – коротко спросил он.

– Чем быстрее – тем лучше.

Это было понятно – чем дольше возиться, тем больше вероятность, что средства массовой информации окажутся в курсе дела.

Сандерс кивнул. Возможно, все не так плохо. В конце концов, дело «Золотого Леса» тоже вначале представлялось весьма проблематичным, однако обошлось без особых скандалов. Он помнил его весьма смутно, поскольку был тогда слишком молодым сотрудником и к тому же не участвовал в нем напрямую, но аналогия просматривалась прямая. «Золотой Лес», молодежная организация, привлекала в свои ряды отпрысков богатых семей с целью организовать на некоей планете под названием Золотой Лес общество, свободное от религиозных, расовых, классовых и тому подобных предрассудков. Предполагалось, что людям старше двадцати пяти лет доступ на планету будет запрещен, чтобы избавить молодежь от тирании старшего поколения. Золотой век, золотая молодежь, шикарные условия, отдых перед вступлением во взрослую жизнь со всеми ее проблемами. Было только одно «но» – чтобы получить право на пребывание на планете, требовался солидный взнос. «Золотой Лес» разоблачили довольно быстро – все оказалось обычным мошенничеством с целью выманивания денег.

Сандерс уже взялся за ручку двери, когда Вилкинсон оста-

новил его, картинно хлопнув себя ладонью по лбу:

– Кстати, последний файл на кристалле – информация о твоём напарнике.

– Каком напарнике?

– Который будет с тобой работать.

– Сэр? – Сандерс возмущенно вскинул подбородок. Вилкинсон прекрасно знал, что Сандерс всегда работает один.

– Этот вопрос тоже не обсуждается. – С этими словами Вилкинсон отвернулся и вызвал над столом односторонний голоэкрэн, явно давая понять, что аудиенция закончена.

Разобрав сумку, Сандерс принял душ, переделся в джинсы и ковбойскую клетчатую рубашку и, прихватив из холодильника банку пива, вышел из дома.

Дождь давно закончился, и земля подсохла. Повисшее над горизонтом солнце подсвечивало снизу облака, бросало на землю решетчатую тень от загона для лошадей и, отражаясь от больших окон, добавляло жизни в чахлые деревца и редкие кусты жимолости, окружавшие ранчо. Да, зелень здесь не приживается. Зато загон какой! И ничего, что лошадей пока в нем нет. Будут! Все будет. Вот найдем кого-нибудь (мало ли фирм по ландшафтному дизайну), чтобы привел все здесь в божеский вид, насадим травку, проложим дорожки с желтым песочком – любо-дорого посмотреть будет. Барбекю будем жарить, в бассейне купаться... Кстати, надо еще и бассейн вырыть.

Сандерс облокотился на ограду загона, отхлебнул пива. Нет, своя земля – это своя земля! Простор и уединенность в одном флаконе...

Он понимал, что пытается отвлечься от мыслей о разговоре с шефом, однако то, что в кабинете его ждет кристалл с информацией о деле и напарнике, не позволяло забыться даже на минуту.

Пиво на удивление быстро закончилось, и он раздраженно смял в кулаке пустую банку, согнул, смял еще раз и еще, пока она не превратилась в комок скрученного металла, и запустил в степь что было силы. Сверкнув на солнце, банка улетела из пределов видимости. Злость не проходила...

Сандерс вернулся в дом. Дом был оборудован так, как он и хотел: мебель исключительно деревянная, без всяких там порхающих кресел, норовящих подкатиться под задницу, стоит лишь согнуть ноги, без голосового управления дверями и светом. Кухня, правда, современная, но стилизованная под старину. Винный погреб для коллекционного вина, виски и коньяка, пока еще заполненный едва лишь на десятую часть. Правда, эта десятая часть – весьма и весьма... Есть даже бочка мальвазии для особых случаев. Ну, там, друзья нагрянут... Хм, друзья. Друг. Может, когда-нибудь сподобится приехать? Вот в этом огромном кресле ему, с его непомерными габаритами, должно быть удобно. Впрочем, он предпочитает пиво, водку или спирт. Ладно, не стоит о грустном.

Спальня. Как сказал бы Ахмедзянов – отрада души, улада взору. Исключительных размеров кровать. Такая, что в одиночку и спать страшно – в простынях потеряешься. А вот вдвоем или даже втроем – в самый раз. Или вчетвером? Мысленно сказав себе «ай-яй-яй» и погрозив пальцем, Сандерс прошел в кабинет. Вчетвером? Нет, это, пожалуй, перебор.

В кабинете также все было подобрано по вкусу хозяина: уютные кожаные кресла, встроенный в стену бар, стеллаж со старинным пороховым оружием за бронированным стеклом и пара охотничьих трофеев еще с тех времен, когда Сандерс считал нормальным отбирать чужую жизнь, не задумываясь: голова кальгерского мечекрыла и шкура нильского крокодила, распластанная на стене, с головой и когтями.

Присев в кресло за столом, Сандерс сунул кристалл в приемник компьютера и первым делом нашел файл о напарнике.

А. Д. Клейн. Прочитав первые фразы, он, не веря своим глазам, повесил над столом голограмму и застонал от жалости к себе. Абигайль Джессика Клейн. Напарник оказался девицей двадцати трех лет, имевшей два высших образования, по лингвистике и праву, и внешность фотомодели: чуть курносый носик, неприлично синие глаза, высокую грудь и непозволительно длинные ноги. Она смотрела чуть свысока, приподняв четко очерченные брови, будто спрашивая: «Ну, чего вылупился?»

– Стерва, – обреченно буркнул Сандерс, настроение кото-

рого ухнуло еще на пару порядков вниз. – Рыжая стерва! – уточнил он, затем наклонился, разглядывая изображение. – Или крашенная? Нет, рыжая, что еще хуже... Ну, Старый Лис, этого я тебе не забуду!

Дик мельком пробежался по файлу. Так и есть: состоятельные родители обеспечили крошке два высших образования в самых престижных университетах, пробили дорожку в Дабл-Пойнт – и вот пожалуйста, господин Сандерс, извольте познакомиться с напарником! Девица, надо признать, не дура: закончить два универа экстерном – это что-то значит. Но тем хуже – апломб у крошки Абигайль простирается аж в заоблачную высь. Да-а, несмотря на внешность, Сандерс не рискнул бы с ней даже просто закрутить роман – слишком молода, амбициозна (иначе бы не пошла в специальные агенты), а значит, обидчива и заносчива. С подобными больше проблем, чем удовольствия. А уж иметь ее в качестве напарника...

Тяжело вздохнув, он вывел на экран данные о «Божественном откровении», затем сходил на кухню, сделал себе несколько бутербродов и, прихватив еще одну банку пива, устроился перед компьютером. «Может, все не так плохо? Может, удастся закончить дело в несколько дней?» – с робкой надеждой подумал Сандерс.

Полтора часа спустя он допил пиво, по привычке смял в кулаке банку – привычка эта у него появилась после общения с Касьяном Полубоем, который скатывал жестянки в трубоч-

ки с небрежным изяществом, — и рассеянно взглянул в окно. После просмотра материалов, предоставленных Вилкинсоном, его все больше и больше мучило ощущение, что тут что-то не так. Слишком незначительным выглядело дело, чтобы применять к нему такой сложный и дорогостоящий инструмент, как их Контора. Секты и общества типа «Божественного откровения» появлялись регулярно, и механизм противодействия им был разработан достаточно хорошо: Министерство юстиции брало в оборот новоявленного мессию, пророка или, на худой конец, гуру, возглавлявшего общество. Под микроскопом изучалась его жизнь, начиная чуть ли не с зачатия, находился компромат, а то, что компромат можно найти на любого члена общества, сомнений нет, после чего к делу подключались средства массовой информации. Так поступали с сектами, выстроенными по принципу пирамиды, во главе которых находился один человек.

Еще проще обстояло дело, если секта проповедовала какие-либо отклонения в сексуальной сфере: тут срабатывал ханжеский принцип — заниматься можно чем угодно, но в частном порядке, поскольку право на частную жизнь — святое право. Тут уже подключались церковь и общественные организации, для которых подобные поводы громко заявить о себе и продемонстрировать, сколь ревностно они стоят на страже морали и нравственности, — на вес золота.

А если ничего из этого не срабатывало, то в дело вступала тяжелая артиллерия, а именно Налоговая служба. Как пра-

вило, новоявленные мессии не слишком аккуратны в уплате налогов, а первая заповедь демократии гласит: налоги святее всего остального.

Сандерс задумчиво потер подбородок. Похоже, здесь ни один из проверенных механизмов уничтожения неудобной организации не был задействован. Почему?

Он склонился над записями. Ну, допустим, мессию обнаружить не удалось – не было у «Божественного откровения» мессии, которого можно было взять за хобот или за другую часть тела. Они даже не ждали его пришествия. Было туманно-расплывчатое определение «наступления дня, когда объединятся силы власть имущих и страждущих и настанет тысячелетие божественной власти».

Сексуальные оргии также не были зарегистрированы, скорее наоборот: институт семьи объявлялся священным и деторождение, причем исключительно в браке, только приветствовалось. Но вот почему не организовали финансовую проверку? Ладно, допустим, у нас находится только местное отделение секты, но деньги-то они все равно собирают! Не могут же их подкармливать из центра... А кстати, где он находится?

В файлах Сандерс нашел только общую характеристику и название планеты Джош Картела и ее координаты. Далековато обустроилось «Божественное откровение» – на самой границе обитаемых миров. Самая окраина Келлингова меридиана.

Сандерс решительно отключил компьютер. Что ж, если гора не идет Магомету... Он повернулся к коммуникатору и вывел на экран список давно не использовавшихся номеров...

Глава 2

Топтер шел на высоте сорока пяти футов, отчего казалось, что скорость машины пугающе велика. На самом деле это была, конечно, иллюзия – машинка едва могла набрать двести миль и подняться на сто пятьдесят футов, но даже такое средство передвижения Сандерс получил исключительно благодаря своим новым знакомым по клубу. Любой гражданин Содружества имел право приобрести любую модель наземного транспортного средства, а также любой, самый роскошный топтер. За одним ма-а-аленьким исключением. Их автономность не должна была превышать пятидесяти миль. Это было не слишком обременительным требованием, потому что планету опоясывали транспортные гравипотоки, в которых любой топтер шел на почти даровой энергии, что позволяло добраться практически до любой обжитой точки материка. А национальные парки и заповедники имели свою собственную грависеть. Автономность же хода «блехи» Сандерса составляла двести миль. И это говорило о его статусе гораздо больше, чем марка и цена самого аппарата.

Маршрут он выбрал с учетом пересечения потоков, экономя аккумуляторы.

Врывающийся в приоткрытый блистер свежий ветер трепал волосы, внизу скользили, сливаясь, трава и кустарники,

перед группами деревьев «блеха» плавно взмывала вверх, чтобы скользнуть за вершинами, будто с горки, в пологом пике. Вообще-то Сандерс любил сам управлять машиной, но сейчас ему надо было подумать, как построить разговор с Кейтом Ходжесом, своим старым знакомым и сослуживцем, около десяти лет назад перешедшим в Налоговую службу.

В свое время Кейт считался одним из самых перспективных агентов, и если бы не досадная небрежность в проработке легенды, стоившая ему месяца в регенерационной камере, карьера его сложилась бы удачней, чем у самого Сандерса. Однако роковая невнимательность сыграла свою роль, и по состоянию здоровья ему пришлось перевестись в Министерство по налогам и сборам.

После разговора с Ходжесом по коммуникатору Сандерс спустился в подвал, выбрал бутылку «Le château noir» – Кейт был большим любителем красного вина – и выгнал из гаража «блеху». Добираться было не так уж и далеко – около ста семидесяти миль, но, предполагая, что разговор с Кейтом займет не меньше часа, можно было с уверенностью сказать, что вернется он домой только ночью.

Впереди темно-зеленой стеной встал лес, и Сандерс увеличил высоту полета до шестидесяти футов. Здесь начинался пояс озер со знаменитыми лиственными лесами, насаженными еще первыми поселенцами. Ясень, береза, дуб, а в низменностях, ближе к воде, – ольха, ива и осина прекрасно прижились, смешавшись с местными породами. Пояс озер

был излюбленным местом отдыха воротил крупного бизнеса и вообще людей, способных выложить за участок земли стоимость двух-трех ранчо, подобных тому, что купил себе Сандерс. Ходжес, конечно, не принадлежал к толстосумам, но работа в налоговом ведомстве всегда давала некоторые преимущества.

Лес под топтером внезапно кончился, и впереди возникла гладь небольшого озера с причалом, возле которого покачивались пара лодок и катер. Двухэтажный бревенчатый дом и хозяйственные постройки почти примыкали к лесу. За домом был разбит фруктовый сад.

Сандерс отключил автопилот и мягко посадил «блоху» на траву недалеко от причала.

Откинув дверцу, он спрыгнул на землю. Трава доходила до щиколоток, воздух был свеж и прозрачен. Противоположный берег озера порос камышом, закрывающим протоку к череде озер. В неподвижной воде, будто в стекле, замерли кувшинки и лилии. Тишина была такая, что заложило уши.

Из-за дома выбежали двое мальчишек лет четырех и вприпрыжку с гиканьем понеслись к топтеру. Следом показалась черноволосая женщина в бирюзовом сари и, ведя за руку девочку с заплетенными косичками, направилась к Сандерсу. Он недоуменно огляделся. Нет, вроде все соответствовало описанию, которое ему дал Ходжес, однако очень уж не вязалась идиллическая картина семейного благополучия, если, конечно, это были жена и дети Кейта, с его фило-

софией закоренелого холостяка. Впрочем, взгляды Ходжеса за прошедшее десятилетие могли и измениться.

Мальчишки пробежали мимо, не обратив на Сандерса никакого внимания, и устремились напрямик к «блохе». Попеняв себе, что не побрился, он пошел навстречу женщине.

– Господин Сандерс? – спросила она, приветливо улыбаясь.

На щеках ее обозначились милые ямочки, блеснули белоснежные зубы.

– Просто Дик, – поправил ее Сандерс. – Миссис Ходжес?

– Просто Рани. – Она рассмеялась, устанавливая дружескую атмосферу.

– Ты шпион? – неожиданно спросила девочка, исподлобья разглядывая Сандерса.

– Э-э...

– Кристи! – воскликнула Рани. – Как тебе не стыдно?

– Но ведь папа сам сказал, что мистер Сандерс – старый шпион.

– Узнаю старину Ходжеса, – усмехнулся Ричард, – он всегда любил расставить точки над «i». А где он, кстати?

– Кейт в саду, готовит барбекю. Он сказал, что вы знаете его вкус, а потому к красному вину необходимо мясо.

Сандерс хлопнул себя по лбу, вернулся к топтеру, в котором уже сидели мальчишки, и достал бутылку.

– Они там ничего не сломают? – забеспокоилась Рани.

– Надеюсь, что нет.

Обогнув дом, он сразу увидел Ходжеса: помахивая полотенцем, тот раздувал угли в жаровне. Если десять лет назад он был просто плотным крепышом с белыми, будто выгоревшими на солнце волосами, то теперь раздобрел, раздался вширь, и небольшое брюшко уже нависало над застиранными джинсами. Судя по благодушной физиономии, он был вполне удовлетворен жизнью – довольство читалось в каждой черточке его раскрасневшегося лица.

– Дик, старина! – Ходжес забросил полотенце на плечо и пошел навстречу, протягивая руку. – Наконец-то выбрался к старому приятелю.

От травмы, после которой Ходжес ушел из разведки, у него осталась легкая хромота. В принципе ее можно было устранить, заменив сустав на искусственный, но это все равно не помогло бы ему остаться полевым агентом. Любое искусственное включение мгновенно засвечивалось на любых, даже самых примитивных сканнерах (еще бы, они как раз и разрабатывались в том числе и для обнаружения всяких искусственных включений в человеческие органы типа вживленных бомб, встроенных лучевиков либо всяких иных неприятных штучек). А поскольку контора работала с чрезвычайно серьезными клиентами, Кейт сразу же приобретал стопроцентную узнаваемость, что однозначно ставило крест на карьере полевого агента. Так что Ходжес заявил, что он отказывается от операции, поскольку хочет «оставить память», да и в конторе оставаться не желает – скучно ему,

видите ли. И ушел.

– Привет, Кейт. – Сандерс пожал крепкую ладонь, протянул бутылку вина. – Ты, значит, старый приятель, а я, значит, старый шпион?

– Ты стесняешься своей работы? – удивился Ходжес.

– Нет, но стараюсь ее не афишировать.

– Здесь можно, – немного самодовольно похвалился Кейт.

– Но не при детях.

Ходжес почесал затылок.

– Пожалуй, ты прав. Придется придумать какую-нибудь сказку насчет тебя.

Возле жаровни стоял деревянный стол, который, судя по неровностям и шероховатостям, изготовил сам хозяин. Мужчины перешли поближе к огню, чтобы не упустить мясо, а Рани стала расставлять приборы. Девочка вертелась возле нее, пытаясь помочь.

– Давно женился? – негромко спросил Сандерс, уже прикинув, что мальчишкам не более четырех, а девочке трех лет.

– Шесть лет как, – ответил Кейт со спокойной гордостью человека, который гордится семьей и домом.

– А как же твои выпады в сторону женщин вообще и брака в частности?

– Ну, во-первых, это было сказано относительно женщин, воспитанных в Содружестве, при «проклятой демократии». – Кейт подмигнул. – Сам знаешь – борьба за свои права довела их до того, что мужики просто шарахаются, опа-

саясь, что их обвинят в сексуальном домогательстве. Эмансипация вышла на новый уровень – теперь с женщиной без последствий может флиртовать только женщина. А вдобавок проклятая политкорректность. Впечатление такое, что мужчины стали козлами отпущения за все грехи человечества. Предупреждаю тебя, если мы, мужики, не начнем бороться за свои права, скоро у женщины нельзя будет спросить, который час, – засудят за попытку изнасилования.

– Свои часы иметь надо, – хохотнул Сандерс. – Стало быть, ты не изменился. А Рани что?

– Так она с Мадраса. Они там еще не успели вступить на путь прогресса, который ведет нас к концу общества. Семь лет назад я был там в командировке, познакомился и сразу женился. И ни о чем не жалею. Если ты мужик – решения принимаешь ты, ты и отвечаешь за последствия.

– Прогресс ведет к концу общества... – задумчиво повторил Сандерс. – Это что-то новое. Надеюсь, до этого далеко. Однако, – он демонстративно огляделся, – неплохо живут работники налогового ведомства.

– Не жалуемся. Так, мясо готово. Рани! Помоги-ка мне.

Вдвоем с женой они разложили мясо по тарелкам, затем Рани позвала мальчишек, усадила дочку рядом с собой. Ходжес откупорил бутылку вина и, разлив по бокалам, поднял свой.

– За старого шп... друга Ричарда Сандерса, – провозгласил он, – который, не прошло и десяти лет, вспомнил о кол-

леге и приехал в гости. Глядишь, не успеют наши дети подарить нам внуков, как он посетит нас еще раз.

– Ладно тебе, – отмахнулся Сандерс. – За тебя, Кейт, за вас, Рани, и за вашу малышню.

Мясо было превосходным, вино вкусным, а зелень и овощи свежими и аппетитными. Ужин проходил за легкой беседой, с воспоминаниями о прежних годах, тем более что мальчишки, мгновенно расправившись с мясом, убежали продолжать знакомство с «блохой», а Кристи стала зевать и Ходжес отнес ее в гамак, висевший между двух яблонь.

«Вот чего мне не хватает на ранчо, – подумал Сандерс, – женщины и детей. Приедешь, а там пусто. Никто не бегает, не кричит, не лезет с вопросами, никто не обнимет и не спросит, как дела и не устал ли я. Одиночество, мать его... Собаку, что ли, завести? А кормить кто будет?» Почувствовав, что ударился в сентиментальность, Сандерс залпом осушил бокал, наполнил по новой, поднялся и выпил за хозяйку дома.

Дождавшись, когда Кейт отошел готовить вторую порцию барбекю, а Рани осталась за столом, он последовал за приятелем. Ходжес покосился на него и кивнул:

– Так я и знал... Ты ведь не просто так приехал, да?

– Ну, как тебе сказать, – замялся Сандерс, – все равно я приехал бы, но, может быть, в другой раз.

– Ага, дождешься тебя. А ведь я тебя и на свадьбу приглашал.

– Не помню, – честно признался Сандерс, – вот убей бог, не помню! Может, я на задании был.

– Может, – согласился Ходжес. – Ты давай не томи. Пытай, шпион, раз уж приехал. За такое вино все секреты выложу.

– Все не потребуется, – успокоил его Сандерс. – Ты слышал о секте «Божественное откровение»?

Сандерс влился в поток машин, скользящих в третьем пассажирском уровне к центру города, и, задав автопилоту маршрут, откинулся на сиденье.

Вернувшись от Ходжеса к двум часам ночи, он почти до утра сидел, разбираясь в досье «Божественного откровения». После посещения приятеля ясности в деле не прибавилось. Когда Кейт услышал, зачем Сандерс приехал к нему, у него на лице возникло такое выражение, что Сандерс подумал, будто у приятеля внезапно разболелся зуб.

– Умеешь ты устроить праздник, – проворчал Ходжес, переворачивая мясо. – Что конкретно тебя интересует?

Сандерс по реакции приятеля уже понял, что ничего хорошего не услышит.

– Секта была у вас в разработке? – спросил он.

– Восемь месяцев проверок. Перелопатили все что можно, вплоть до того, чем расплачивались за краску, ушедшую на печатание брошюр: наличными или адресным переводом. Я был во второй группе проверяющих, которую направили после того, как первая облажалась. Поверь мне, носом землю

рыли, а как иначе? Ты же знаешь, как это делается: приходит указание сверху наехать на таких-то и таких-то, но чтобы все было по закону. На моей памяти это первый раз, когда мы ничего не смогли инкриминировать подследственной организации. Бухгалтерия у них в таком состоянии, что Министерство финансов по сравнению с «Божественным откровением» просто мусорная свалка. А почему ты заинтересовался этим?

– Кому-то наверху эта милая организация чувствительно наступила на любимую мозоль, – постарался Сандерс отделаться неопределенным выражением.

– И тебе предложили разобраться? Сочувствую. – Ходжес покачал головой. – По-моему тоже, что-то там не чисто. У меня возникло впечатление, что секта целенаправленно готовилась к всевозможным неприятностям, в частности – с нашим управлением, но уж если дело перешло к вам... А почему, собственно, направили именно тебя? Или что, Ричарда Сандерса потихоньку выводят в тираж? Если так, мой тебе совет: не жди, когда предложат искать другую работу. Только шепни – я замолвлю словечко, и завтра уже будешь перебирать налоговые ведомости.

– Спасибо, – кивнул Сандерс, – кажется, к тому и идет.

Блистер кабины покрылся каплями – снова зарядил дождь. Автоматически включился очиститель. Машины двигались сплошным потоком, скорость упала до нескольких миль в час, и Сандерс похвалил себя, что вылетел пораньше

– шеф не любил, когда кто-нибудь опаздывает.

Значит, финансовая проверка «Божественного откровения» производилась. Можно предположить, что и по другим направлениям работа с сектой велась, но успеха не добился никто. Похоже, дело действительно поворачивается таким образом, что его планы остаться в конторе развеются в дым. Неужели и впрямь придется уходить? Впрочем, в сроках шеф его сильно не ограничил, что уже неплохо. Еще ночью, когда стало понятно, что дело может не ограничиться проведением операции в пределах Содружества, Сандерс изучил все, что было доступно по планете, на которой находилась штаб-квартира секты. Странное название – Джош Картела, – как выяснилось, объяснялось довольно просто; сложно было другое – с планетой не существовало не то что постоянного сообщения, не было даже более-менее регулярных заходов кораблей. Если где-то на Джош Картеле или в большом мире появлялся груз, который необходимо было доставить, просто фрахтовался ближайший корабль. Никому планета не была нужна ни для разработки ресурсов, ни для обустройства очередного курорта – слишком далеко находилась Джош Картела от ареала расселения человечества.

Планета была терраперестроена (ТПФ) довольно давно, но заселена чрезвычайно слабо – сказалось удаление от Келлингва меридиана. ТПФ в свое время сделали ниппонцы. Причем случилось это из-за уникального сочетания нескольких факторов. Во-первых, одна из ТПФ-станций, на-

ходящихся в распоряжении северного сектора Департамента освоения планет, оказалась с практически выработанным ресурсом. Во-вторых, сама планета находилась почти на грани, напоминая Землю времен динозавров, поэтому стоимость ее ТПФ составляла всего треть от стандартной величины и остаточного ресурса станции вполне могло бы хватить. В-третьих, в тот момент на престол микадо взошел Уэдзима II, одержимый идеей Ниппона «на сто тысяч световых лет». Так что добро на ТПФ этой (и еще десятка других планет) было получено. А когда оно было закончено, выяснилось, что на освоение столь отдаленной территории нет никаких ресурсов. Более того, стало понятно, что из десятка террапореформированных планет Ниппон, при крайнем напряжении всех своих сил, сможет мало-мальски освоить максимум штук шесть. Разразился жуткий скандал. Две планеты с трудом удалось продать Содружеству Американской Конституции, еще по одной (совсем уж за бесценок) купили русские и султан Регула, а о Джош Картеле, которая тогда носила совершенно другое название, просто забыли.

Около двадцати лет планета никому не была нужна, а затем в императорской канцелярии на Киото появился разбитой мужик в потертой замшевой куртке, сапогах из оленьей шкуры и с сигарным окурком, казалось, навечно прописавшимся в уголке рта. Он заявил, что его зовут Джош Картела и что он прибыл «как представитель жителей, населяющих планету NN, чтобы, согласно ст. ст. 2, 3 и 11 „Закона о

территориях“, оформить право свободного владения на эту планету». В канцелярии тут же началась суматоха, в конце концов разросшаяся настолько, что на уши встал весь Департамент. Выяснилось, что действительно на заре Освоения Третьей Международной конференцией по освоению иных миров был принят пакет законов, ратифицированный затем всеми основными мировыми державами (в том числе и Ниппоном). И согласно положениям одного из этих законов, а именно Закона о территориях, планета, на которой на протяжении пятнадцати лет не будут официально и фактически действовать органы власти ни одного государства, объявляется «свободной территорией» и получает «собственную суверенность, носителями которой являются населяющие ее жители». Жители этой планеты выждали двадцать лет. А затем послали представителя, дабы осуществить это свое право. Некоторое время тянулась волокита, ниппонцы пробовали оспорить сроки проживания, предложить иное чтение закона, доказать, что, поскольку ТПФ не было осуществлено (станция сдохла, когда терраперереформирование было закончено процентов на шестьдесят пять), планета не могла быть официально заселена. Затем какая-то умная голова посчитала, во что обойдется Ниппону установление официальной власти над планетой, которую уже населяли около сорока тысяч человек, сопоставило эту сумму с обнаруженными там ресурсами, непременно принятием на себя обязательства завершить ТПФ, и вопрос быстро решился в пользу жителей.

Сие мероприятие было представлено как образец соблюдения международных обязательств (что в тот момент ниппонцам было как раз нелишним). И обе стороны расстались довольные друг другом. За исключением одного конфуза... Когда название новой суверенной планеты вносили в регистр, то ли делегат в потертой куртке что-то там не так понял, то ли младший ниппонский клерк не так расслышал, однако на вопрос: «Под каким именем вы хотите теперь зарегистрировать планету?» был получен ответ: «Джош Картела». Какой ответ и был занесен в регистр. А может, тот парень сделал это специально, желая, чтобы его имя осталось в веках?..

За прошедшие почти сто лет на том далеком мирке ничего особенно не переменилось. ТПФ естественным путем поднялось еще на пару процентов, число жителей выросло тысяч на пятьдесят, но особо туда никто не стремился – периферия, причем из самых отсталых. И подавляющее большинство не только простых граждан, но и людей, имеющих некое отношение к космосу, никогда о ней не слышали. Как и Сандерс. До тех пор пока не появился в кабинете Вилкинсона.

Топтер вышел из потока машин, устремился вниз, к парковке Управления, и Сандерс отстегнул ремни безопасности – рисковать попусту он не любил, несмотря, а может быть, именно *из-за* своей работы, где риска хватало.

Дождавшись, пока сканер сличит отпечаток сетчатки глаза с образцом, он вошел в обширный холл. На мозаичном по-

лу, как всегда, топорщил крылья белоголовый орлан. Посреди холла, попирая ногами девиз «Беречь и защищать», стояли трое молодых людей. Громкие голоса эхом разносились по холлу, отскакивали от стен и пропадали под высоким потолком. Сандерс поморщился – молодые люди явно были из числа недавно испеченных агентов и упивались возможностью здесь, в святая святых разведки, показывать всем, кто оказывался рядом, что они принадлежат к элите спецслужб. Тем более что, выйдя за двери, придется стать незаметными, как и миллионы обывателей. Пока им еще было невдомек, что нельзя играть две разные роли одновременно – где-нибудь, да проколешься. Сандерс в свое время прошел этот период службы без особых потерь, но ему просто повезло – недаром в управлении за ним закрепилась кличка Счастливчик, поначалу так льстившая самолюбию.

Нарочито громкий хохот оборвался, когда Сандерс проходил мимо агентов.

– А вот и Счастливчик, – услышал он за спиной негромкий комментарий.

Не настолько негромкий, чтобы принять его за разговор между своими – говоривший явно желал, чтобы Сандерс его услышал.

– Легендарный Счастливчик, – добавил еще один молодой человек.

– Посмотрим, кого он упустит на этот раз, – добавил третий.

Снова грянул взрыв хохота.

Сандерс не спеша обернулся, посмотрел в глаза высокому парню в твидовом пиджаке с аккуратной прической и, лениво приподняв палец, наставил его на агента – мол, классная шутка, я оценил. Парень слегка покраснел, но, вскинув подбородок, дал понять, что от своих слов не откажется.

Киберлифтер принял улыбку Сандерса за призыв к действию, и лифт ухнул вниз.

Сюзен улыбнулась Сандерсу, но на этот раз он уловил в ее улыбке некоторую нервозность.

– Добрый день, миссис Канингем. Я не опоздал?

– Ты не опоздал, но все равно тебя опередили. Сто раз просила не называть меня миссис Канингем. Хочешь, чтобы я тебе что-нибудь сломала в спортзале?

Сандерс улыбнулся:

– Не ломай, пожалуйста, ничего. Кому нужен калека, а со вчерашнего дня я осознал радость семейной жизни и решил вплотную заняться поисками кандидатки в супруги.

– Значит, тебе точно пора в архив, – подытожила Сюзи. – Хватит трепаться, Дик. У шефа одна молодая бойкая особа. На роль супруги вряд ли подойдет, но неприятности доставить может. Агент Сандерс, мистер Вилкинсон, – пропела она в коммуникатор.

– Пусть войдет, – прогудел голос шефа.

«Бойкую особу» Сандерс узнал сразу – напротив стола

шефа, закинув ногу на ногу, сидела мисс Абигайль Джессика Клейн. Взглянув через плечо на вошедшего, она равнодушно отвернулась. На ней была темно-синяя юбка до середины бедер, жакет в тон юбке и ослепительно белая блузка. Рыжие волосы замысловато вились на гордо поднятой голове. Чуть покачивая модельной туфлей, она как бы давала понять присутствующим, что уже устала от их общества.

Сандерс сделал несколько шагов и, поскольку кресло было занято, остановился возле стола.

Вилкинсон, сделав вид, что приподнимается из кресла, кивнул в его сторону:

– Агент Ричард Сандерс. – Кивок в сторону дамы: – Агент Абигайль Клейн. С этого момента, господа, вы работаете вместе.

– Весьма польщен, – сказал Сандерс, учтиво склоняя голову.

Его учтивость пропала даром. Есть люди, которые могут дать понять о своем отношении к человеку одним движением, причем весьма экономным, и мисс Клейн была из их числа: искоса взглянув на Сандерса, она, вместо того чтобы кивнуть, слегка вздернула подбородок.

– Стало быть, мой рапорт остался без внимания? – спросила она, обращаясь к Вилкинсону.

– Увы. Если бы мы могли делать только то, что хочется, насколько проще была бы жизнь, – несколько туманно ответил шеф.

Похоже, мисс Клейн была не просто перспективным новичком, но еще и пользовалась чьей-то серьезной поддержкой. Сандерс еще никогда не видел, чтобы шеф был столь снисходителен.

– Несмотря на то что я детально обосновала невозможность работать с...

– Что возможно и что нет, в нашем отделе решаю я, – мягко перебил ее Вилкинсон и после короткой паузы добавил: – Если вам что-то...

Не дожидаясь окончания фразы, мисс Клейн поднялась из кресла.

– Я могу быть свободна?

– Не смею задерживать. – Вилкинсон был сама любезность.

Не взглянув на Сандерса, она проследовала к выходу, покачивая соблазнительными бедрами. Сандерс подавил желание оглянуться и, дождавшись, когда чмокнет магнит на двери, уселся в еще теплое кресло.

– Какая милая особа... – пробормотал он.

Викинсон приподнял уголки губ:

– Зато в академии у нее были отличные оценки по всем дисциплинам. Кстати, Дик, если тебе надо поднять настроение, могу дать почитать ее рапорт. Хочешь посмотреть, что она написала про тебя?

– Догадываюсь.

– Одно дело догадываться. Так что, ознакомишься?

В глубине глаз Старого Лиса возникли едва заметные смешинки.

– Воздержусь, сэр, – буркнул Сандерс, – тем более что мне обязательно придется выслушать все это вживую. При первом же удобном случае.

– Непременно, – кивнул Вилкинсон и переменял тему: – Что можешь сказать по поводу задания?

– Надо выходить на штаб-квартиру «Божественного откровения», – вздохнув, произнес Сандерс, – здесь, похоже, все что можно сделали.

– Я того же мнения, – согласился Вилкинсон, – а посему получишь в отделе обеспечения документы, билеты, деньги, оборудование и завтра будьте любезны вместе с агентом Клейн отбыть на Киото.

– Почему на Киото?

– Потому что, во-первых, Джош Картела находится ближе всего к Ниппонскому сектору, а во-вторых, сенатор Линдер связался с одним из своих деловых партнеров, господином Аридзаши и тот окажет вам всемерное содействие. Чтобы добраться до Джош Картелы, придется фрахтовать корабль – с Киото туда хоть и летают два раза в год, но последний рейс был только месяц назад, и господин Аридзаши окажет необходимую помощь. Легенды не требуется – аборигенам на Джош Картеле до лампочки, кто к ним прибывает, лишь бы это не угрожало их независимости.

Он замолчал. А затем внезапно наклонился вперед и про-

изнес:

– Дик, я надеюсь на тебя. Чувствую, все это пахнет очень большим дерьмом и стандартными процедурами здесь не отделаешься. Здесь нужен человек с твоим чутьем. А куража достаточно у этой мисс Клейн.

– Постараюсь оправдать, сэр, – ответил Сандерс, несколько ошарашенный таким проявлением эмоций у Старого Лиса, и поспешно поднялся из кресла. – Последний вопрос: кто старший в нашей группе?

– Я бы сказал, что ты, но сам видишь, эта девочка слишком высокого о себе мнения. Так что никто. Паритет, если хочешь. Впрочем, я рассчитываю, что ты сумеешь все наладить... только не пытайся ее сломать, будет только хуже.

К молодым людям в холле, попирающим ногами символ Содружества Американской Конституции, прибавилось четвертое лицо – весьма привлекательное, но чересчур надменное. Впрочем, свысока мисс Клейн глядела только на приближающегося Сандерса.

– Познакомьтесь, ребята: мой новый напарник, специальный агент Ричард Сандерс, – улыбаясь уголком губ, процедила она.

Парни перемигнулись.

– Как здоровье, агент Сандерс?

– Одышка не мучает?

Это было уже слишком.

– У нас в начальной школе ходили о вас легенды. – Парень

в твидовом пиджаке картинно протянул руку и, не удержавшись, добавил: – И здесь тоже. О том, как *не сто́ит* действовать настоящим агентам.

Троица взорвалась жизнерадостным хохотом. К чести мисс Клейн, она к нему не присоединилась, а наоборот, слегка поморщилась. Впрочем, возможно всего лишь потому, что унижение ее напарника рикошетом ударяло и по ней самой.

– Вас поторопились выпустить из начальной школы, господа, – сказал Сандерс, улыбаясь широкой улыбкой кретина. – Впрочем, некоторые вещи или даются сразу, или не даются вовсе.

– Это какие же?

– Осторожность, господа. Осторожность, – Сандерс пожал руку парню, пристально глядя ему в глаза, – ну и, конечно, милосердие.

Кивнув остальным, он прошел к выходу. Позади раздалось насмешливое хмыканье.

– Агент Сандерс, – мисс Клейн догнала его, – не пора ли нам распределить обязанности?

– С удовольствием, агент Клейн. Я получаю свои документы и командировочные. Собственные вы, я надеюсь, сумеете получить самостоятельно. Завтра в десять ноль-ноль встречаемся на космодроме у пропускного пункта на рейс на Киото. Прошу вас, – он открыл перед мисс Клейн дверь.

Позади послышался негромкий возглас. Абигайль обер-

нулась. Сандерс знал, что увидит, но тоже взглянул назад.

Парень в твидовом костюме, закатив глаза, оседал на мозаичный пол.

– О господи!.. – Абигайль рванулась к нему. Сандерс мягко, но настойчиво удержал ее за локоть.

– Не стоит утруждаться, агент Клейн. Через десять минут он придет в себя. Просто человеку внезапно стало дурно.

– Но что случилось?

– Понятия не имею, – сказал Сандерс в пространство. – Как с таким здоровьем его взяли в Контору – вот что удивительно.

«Напрасно я так, – подумал он, – но уж очень эти ребята просили преподать небольшой урок. А мисс Клейн и ухом не повела, несмотря на то, что я так подставился. Что ж, имеющий глаза – да увидит. Если ей хочется видеть во мне лишь отработанный материал – так тому и быть».

Глава 3

Он лежал на спине и боялся открыть глаза, потому что по лицу ползали скользкие лапки насекомых. Они ощупывали лицо, пытались пробраться под веки, в рот, проползти по пищеводу и дыхательным путям, чтобы осесть в нем новой жизнью, которая будет питаться его телом. Пищи будет много, мягкой и теплой, а когда личинки вылупятся, от него останется только пустая оболочка. Они с легкостью прорвут ее, чтобы продолжать жить вне его, но ему это уже будет все равно – к тому времени они съедят сердце, мозг, легкие, выпьют кровь, оставив белые чистые кости.

Скользкие личинки, они преследовали его там, в пещерах, и они последовали за ним и сюда. Там были влага и сырость, но здесь еще хуже – на лицо падает дождь, и уже трудно отличить, где колен касаются дождевые капли, а где тонкие назойливые лапки.

Они нащупали ноздри, и он с силой выдохнул воздух. Да, об этом он не подумал... значит, осталось недолго... его начнут есть с головы...

– Парень, открой глаза. Ты слышишь меня?

Глаза? Он уже открывал глаза по приказу, и вспышки света подавляли волю, и сознание съеживалось в крохотный комок, с ужасом наблюдающий, как тело исполняет приказы, подчиняясь чужой воле. Так было вначале, но постепенно он

обнаружил, что подчинение тем, кто имеет право приказывать, не так уж и страшно. Если они действительно имеют это право.

А это кто? Нет, нужно вспомнить... Вспомнить и жить в соответствии с заложенным знанием.

– Сэр, санитарный глидер на подлете.

– Хорошо. Грузите его и сообщите в госпиталь, что через час у них появится сложный пациент.

– А кто оплатит лечение?

– Если не найдем родственников, попробуем договориться с муниципалитетом. Все, взяли...

Сквозь затененное фильтром темное, почти черное стекло солнце казалось желтым теннисным мячом, подброшенным в воздух для подачи и странным образом зависшим в небе.

Город лежал у ног, теряясь в закатной дымке. Игла штаб-квартиры концерна «Макнамара инк.» взметнулась на тысячу двести футов, и ее можно было увидеть с любой окраины столицы. Если бы только он мог так же просто разглядеть то, из-за чего жизнь превратилась в никчемное занятие, которым он занимался лишь по многолетней привычке...

Джеффри Макнамара прикосновением пальца отключил затемнение и вперился в солнце ненавидящим взглядом. Всего лишь пять минут! Ну неужели он не сможет?

Нет... Не прошло и минуты, как из-под век наплыли слезы, он непроизвольно моргнул и грязно выругался.

Вернувшись к столу, Макнамара смахнул слезы и грузно опустился в кресло. Детство, конечно, – загадывать желания, но что он еще мог сделать? Полиция, разведка и контрразведка уже опустили руки, то есть они еще делают вид, что все будет в порядке, но что им остается? А что остается ему? Молиться? Он пробовал... Вот Марта, она нашла выход, но ему он не подходит. Никогда Джефффри Говард Макнамара не опускал руки и не отдавался на волю высших сил. И черт с ним, с Федеральным бюро. За те деньги, что он может предложить, найдутся охотники перелопатить не то что эту планету, а половину освоенных миров в поисках Майкла. Он никогда не сдастся, иначе – вся жизнь зря.

Макнамара достал из кармана сигару, настольной гильотиной срезал кончик, подогрел на огне и неторопливо раскурил.

Неизвестность – вот что угнетало. Он мог поднять своих людей, мог при желании задействовать даже вооруженные силы – президент уже справлялся, не нужна ли помощь. Но что толку? Кого ловить, куда лететь? С кого, в конце концов, спросить за все, что случилось?

Одиннадцать месяцев прошло, как Майк исчез, будто его унесло в космос с поверхности планеты, не оставив никаких следов. Одиннадцать месяцев, и четыре, как Марта...

Писк коммуникатора прервал тяжелые мысли. Макнамара взглянул на часы. Для ежедневного доклада Томаса Лундквиста – секретаря, с которым он работал вот уже двадцать

пять лет, было еще рановато.

Он встал из-за стола, отошел к окну и негромко сказал:

– Да.

Настроенный на распознавание голоса и речи компьютер разблокировал замок. В темном стекле Макнамара увидел Томаса, вошедшего в кабинет и остановившегося у дверей. В руках тот держал свою неизменную старомодную папку с документами. Макнамара перевел взгляд на свое отражение. Лицо с тяжелым подбородком, короткий нос, глубоко посаженные глаза, ершик седых волос. Все как всегда, только нет прежней уверенности во взгляде. Словно кто-то вынул из него важную деталь, без которой он – один из миллионов обывателей, а не глава могущественной корпорации, построивший ее собственными руками.

– В чем дело, Том?

– Сэр... – далее если бы Лундквист не запнулся, Макнамара по его тону понял бы, что что-то случилось, – со мной связался профессор Шейдеман из госпиталя Святого Патрика. Сегодня к ним поступил пациент. Профессор утверждает, что это ваш сын.

Лундквист замолчал, уставившись в широкую спину Макнамары. Спина была недвижима, как базальтовый монолит.

«Ну, скажи хоть что-то! Прояви хоть каплю эмоций, чертов ты истукан!» – подумал Лундквист. Иногда невозмутимость шефа доводила его до бешенства. Выдержанность хороша на переговорах, при заключении сделок, но неужели

нельзя позволить себе проявить хоть каплю эмоций наедине с ним, Томасом Лундквистом, который знает шефа, как никто другой? Лишь однажды, пятнадцать лет назад, Лундквист был свидетелем, как Макнамара вышел из себя. Тогда эсминец новой серии, только что сошедший со стапеля одной из верфей концерна, в результате диверсии взорвался на ходовых испытаниях. С тех пор вспышек эмоций секретарю наблюдать не доводилось.

Макнамара почувствовал, как хрустнула в зубах сигара и рот наполнился крошками табака. Пепел упал на безупречный костюм. Он не спеша вынул сигару изо рта, снял с губ крошки и, не поворачиваясь, спросил:

- На чем основана его уверенность?
- Они провели анализ ДНК.

Макнамара кивнул. Госпиталь Святого Патрика был единственным медицинским учреждением, где хранились карты ДНК на всю их семью. Снова повисло молчание. Лундквист с ненавистью смотрел на шефа. Он знал Майкла Макнамару даже не с рождения, а, можно сказать, с момента зачатия – вестью о том, что у него будет наследник, Джефф Макнамара первым поделился с ним.

- Пусть подготовят мой глидер, – наконец сказал Макнамара.
 - Я уже распорядился, сэр.
 - Я поднимаюсь через пять минут.
- Лундквист кивнул и повернулся, собираясь уходить.

– Минуту, Том. Как там дела с «Юниверс голд»?

– Э-э... – секретарь потрянул головой, покусал губы, – на прежнем уровне, но есть тенденция к повышению котировок, сэр.

– Пусть чуть прибавят. Мне нужна эта компания, но я не собираюсь платить за нее слишком много.

– Слушаюсь, сэр.

Макнамара дождался, пока Лундквист выйдет из кабинета, стряхнул с пиджака пепел и бросил в пепельницу разжеванную сигару. Сняв с окна затемнение, он снова уставился на солнце, и снова на глазах закипели слезы. Схватив со стола пепельницу, он что было сил шваркнул ее в стекло и, подняв руку, оттопырил средний палец в сторону заходящего светила.

– Вот тебе, а не Майкл!!!

Госпиталь Святого Патрика считался одним из эталонов медицинского учреждения во всем Содружестве. Строили его долго и трудно, со скандалами, сменой подрядчиков и разоблачениями нечистых на руку строителей в прессе. Основным заказчиком строительства считались вооруженные силы, но в тот момент правительство опять обуял приступ экономии, так что сроки сдачи госпиталя в эксплуатацию раз за разом корректировались и, по выражению одного из адмиралов флота, стремились к бесконечности.

По просьбе начальника Объединенного комитета штабов

Макнамара вложил средства в строительство, обеспечил госпиталь новейшим оборудованием и лучшими медицинскими специалистами, оговорив возможность лечения и обследования персонала штаб-квартиры своего концерна (это позволило изрядно сэкономить на страховке). Его пожелания воспринимались в госпитале как приказы, но он еще ни разу не позволил себе каким-то образом открыто продемонстрировать свою власть.

Глидер приземлился на крыше, оборудованной для приема санитарных машин. Главный администратор ждал Макнамару возле лифтов с медицинским халатом наготове.

Проводив высокого гостя до этажа, на котором располагались палаты реанимации, администратор сослался на занятость и исчез, передав Макнамару и Лундквиста профессору Шейдеману. Высокий, сутуловатый профессор кивнул в знак приветствия и не торопясь пошел по коридору, заставляя гостей принаравливаться к своему шагу. Дежурный врач и медсестры следовали за посетителями и были похожи на королевскую свиту.

– Пациент поступил к нам из больницы Святой Марианны в Пуэрто-Амариньо. Поскольку личный идентификационный код показал, что он является одним из постоянных, зарегистрированных пользователей нашего госпиталя, они сразу же связались с нами. Больница Святой Марианны – учреждение достаточно бедное. Он поступил к нам в стадии сильного истощения и обезвоживания организма, что

довольно странно, поскольку его нашли на плато Нуэстра-де-Монтебланко, а там сейчас сезон дождей, – негромко говорил Шейдеман, не слишком заботясь, слышат его собеседники или нет, захотят – услышат. – Замедление реакций на внешние раздражители, поверхностные повреждения кожных покровов и, похоже, частичная потеря памяти. К сожалению, он не желает общаться ни с кем, но...

– Насколько вы уверены, что это Майкл Макнамара? – не выдержал Лундквист.

Шейдеман остановился, обернулся и укоризненно посмотрел на него, явно давая понять, что не привык, когда ему не дают закончить свою мысль.

– Анализ ДНК дает уверенность в идентификации пациента на девяносто семь целых и шестьдесят сотых процента, – лекторским тоном произнес он.

– Где он сейчас? – снова спросил Лундквист, видя, что Макнамара не желает вступать в разговор.

– В реанимационном боксе. Мы как раз туда направляемся. – По тону профессора можно было понять, что если бы не несвоевременные вопросы, они бы уже давно прибыли на место. – Прошу, господа, мы почти пришли.

Майкл, опутанный нейлостаповыми нитями, как муха, попавшая в паутину, висел в боксе за толстым стеклом. Профессор и его свита остались снаружи, Макнамара подошел к стеклу вплотную, глядя на истощенное тело. По стеклу бежали данные о состоянии организма, понятные лишь посвя-

ценному, но Макнамара не видел их – он смотрел на сына и чувствовал, как лед, сковывавший его изнутри все одиннадцать месяцев, плавится, превращаясь в тепло, подступает к глазам, туманит их, заставляет учащенно биться сердце.

– Джефф, ты уверен, что это он? – спросил Лундквист.

Он обращался к Макнамаре на «ты» только наедине и в исключительно редких случаях.

– Уверен, – ответил Макнамара и порадовался, что голос звучит как обычно.

– Почему?

– Эх, Том... вот когда у тебя будут собственные дети...

Они помолчали, будто заново переживая прошедшие одиннадцать месяцев: судорожные поиски, нашествие журналистов, уход Марты.

– Я хочу знать, кто его нашел, – сказал Макнамара.

– Я узнал. Какой-то турист-экстремал, в одиночку пересекавший плато.

– Я хочу, – Макнамара подчеркнул слово «хочу», – чтобы этот человек никогда и ни в чем не нуждался. Ни он, ни его семья.

– Я позабочусь, – ответил Лундквист. – Полиция захочет поговорить с Майком.

– А вот об этом я позабочусь сам. – Макнамара оторвался от стекла и посмотрел на секретаря. – Все будет зависеть от желания Майка. Возвращайся в офис, меня сегодня не будет.

– Слушаюсь, сэр, – кивнул Лундквист.

В сопровождении дежурного врача Макнамара поднялся на крышу.

– В монастырь Великомученицы Катарины, – скомандовал он, усевшись в глидер. – Фрэнк, говорят, вы принимали участие в гонках? – Достав из кармана сигару, Макнамара откусил кончик и выплюнул его в окно.

– Было дело, сэр, – кивнул пилот, аккуратно поднимая машину, – по молодости, по глупости. Адреналина не хватало, как и всем молодым.

– А ну-ка покажите класс, старина, – попросил Макнамара, с удовольствием раскуривая сигару.

Женский монастырь Великомученицы Катарины располагался на окраине столицы, в огромном парке, больше напоминавшем лес. Лишь несколько гектаров вокруг монастыря были обихожены: разбиты цветники, проложены дорожки, посыпанные песком. Посещение монастыря на транспортных средствах не возбранялось, но и не приветствовалось; впрочем, это касалось только лиц, пожелавших принять послушничество и вступить в монастырь. Считалось, что, достигнув обители по едва заметным тропинкам и преодолев немалые трудности в виде буреломов и оврагов, будущие монахини всерьез задумаются, стоит ли посвящать себя служению Господу, – случайных людей в монастыре не любили.

Глидер приземлился на опушке леса, там, где деревья уступали место подстриженным газонам и цветникам. Мо-

настырь серой громадой возвышался впереди, темнея в наступающих сумерках.

Подойдя к воротам, Макнамара несколько раз стукнул бронзовым молотком, подвешенным рядом с маленьким окошком. Через несколько минут окно отворилось, и на него взглянула монахиня с аскетичным лицом и поджатыми губами:

– Слушаю вас?

– Я Джефффри Макнамара. Здесь находится моя жена, и я хотел бы ее повидать.

– К сожалению, время посещений закончилось и сестры пребывают на вечерней молитве. Приходите завтра. – Монахиня сделала движение, чтобы закрыть окно.

– Минуту! Дело не терпит отлагательств. У меня чрезвычайно важные известия.

– Я поговорю с настоятельницей, – сухо сказала монахиня.

Через пятнадцать минут, когда Макнамара, уставший бродить вдоль каменной стены, собрался постучать вновь, ворота заскрипели и отворились.

– Сестра Агнесса ждет вас в своей келье. Я провожу. – Монахиня впустила его во двор, тщательно заперла ворота и пошла впереди.

Двор монастыря был пуст, из приоткрытых дверей церкви доносилось пение.

По витой лестнице они прошли на второй этаж, где находились кельи монахинь. Свет здесь был приглушенный, рас-

сеянный, шаги гулко отдавались в пустом коридоре.

Возле распахнутой двери кельи Макнамара остановился и требовательно посмотрел на монахиню. Она холодно кивнула и удалилась.

Обстановка в келье была простая: кровать, застеленная темным шерстяным одеялом, небольшой шкафчик и умывальник. Марта стояла на коленях перед простым распятием, укрепленным под узким окном. Услышав шаги, она поднялась с коленей и обернулась.

Он не видел ее два месяца и пораился произошедшей перемене: лицо стало бледным, почти серым, и во всей фигуре сквозила покорность судьбе. Но больше всего его поразили глаза – всегда ясные и чистые, сейчас они поблекли и казались старым жемчугом, слишком долго пролежавшим в шкатулке и оттого ставшим почти бесцветным. Она сложила руки под грудью и слабо улыбнулась.

– Майк... – Голос изменил ему, и он, досадливо поморщившись, кашлянул. – Майк нашелся. Я за тобой.

Она опустила глаза, и он заторопился, понимая, что если не найдет нужных слов – все будет впустую:

– Мы будем вместе, и все будет по-прежнему. Он в госпитале, сильно истощен, но Шейдеман сказал, что ничего страшного...

Она покачала головой, словно удивляясь его словам:

– Я знала, что с Майком все будет в порядке, – я молилась. Будет по-прежнему... Ты так ничего и не понял, Джефф.

Именно потому, что я не могла жить по-прежнему, я и ушла в монастырь. Исчезновение Майка было последней каплей...

– Но он вернулся!

– Ты не понимаешь. Он вернулся потому, что я просила об этом Господа. Он внял моим молитвам. Как же я могу ответить неблагодарностью?

Макнамара почувствовал, что лед, растаявший было в груди, вновь смерзается в острые иглы, комком перекрывает дыхание.

– Я никогда ни о чем не просил, – глухо сказал он, – но сейчас...

– Это бесполезно, – ответила Марта, – я всегда буду рада видеть Майка, но тебя прошу не приходить. – Она говорила спокойно, может быть, даже равнодушно, и было видно, что она все для себя решила. – Я приняла обет. Решение тяжело досталось мне, Джефффри, но Господь являет чудо только тем, кто готов принести Ему самые великие жертвы. Я принесла свою.

Он постоял, пытаясь в сумерках увидеть выражение ее глаз, но она опустила их, и Макнамара понял, что она ожидает его ухода.

Резко повернувшись, он вышел из кельи...

Лундквист встал из-за стола при его появлении. Косо взглянув на него, Макнамара прошел в кабинет. Зачем он вернулся? А куда было идти? В пустой дом, чтобы слушать

собственные шаги, теряющиеся в лабиринте комнат? Майк в госпитале, а Марта...

Макнамара достал из бара бутылку виски, присел за стол и, налив полный бокал, сделал несколько крупных глотков. Ничего. У него есть сын, наследник. У него есть дело, а стало быть, жизнь продолжается. В то, что он где-то ошибся, в чем Марта пыталась его убедить, Макнамара не верил. Он не ошибался почти никогда, иначе просто не смог бы выстроить собственную жизнь и жизнь своих близких по своим принципам.

Голова слегка затуманилась, он долил виски в бокал, закурил и нажал кнопку на коммуникаторе.

– Томас, найди.

Лундквист вошел в кабинет и застыл у порога, освещенный светом из приемной.

– Акции «Юниверсум голд», как вы и просили... – начал он.

– Черт с ними, – отмахнулся Макнамара, – садись. Выпьешь? – Не ожидая ответа, он наклонился и достал еще один бокал.

Лундквист присел в кресло для посетителей перед столом, принял бокал и отпил глоток.

– Ты был у Марты?

– Да. – Макнамара уперся взглядом в столешницу. – Она не вернется.

– Я знаю, – кивнул Лундквист.

– Что? Каким образом?..

– После исчезновения Майка ей незачем стало жить с тобой. Она ничем не могла помочь в его поисках и схватилась за последнюю возможность – вымолить его жизнь у Бога. Она сделала это...

– Ерунда! Я не знаю, где он был и как оказался на плато, но мы это выясним, и тогда...

– А это уже не важно. Майк для нее был потерян с рождения. Ты выбрал для него дорогу, ты вел его по жизни, а она осталась одна.

– Что ты несешь? – рявкнул Макнамара. – Я дал ей все!

– Да? И что же именно? Торопливую любовь, когда у тебя было время и ты не слишком уставал на работе? Заботу, в которой нуждается любая женщина? Ты дал ей одиночество, Джефф. И не ори на меня! Хочешь выслушать мое мнение – слушай, а потом, если захочешь, я уволюсь к чертовой матери. Я, слава богу, работал с тобой почти тридцать лет, и хоть напоследок позволь высказать все, что думаю. Ты превратился в монумент самому себе, у тебя полностью исчезли человеческие чувства. Что? Ты скажешь, это не так? Ты руководишь огромным концерном, ты заботишься о служащих, у тебя нет права на личную жизнь, но у Марты это право есть! И у Майка тоже. А твои заботы – это заботы техника о нормальном функционировании механизмов, где главное – не допустить сбоя программы. Все выстроено, все взвешено, все рассчитано. Люди – не механизмы, Джефф. У тебя боль-

ше нет семьи. Впрочем, ты потерял ее давно, и даже Майка ты рассматриваешь как своего преемника, а не как сына. Ну скажи, что я не прав.

– Теперь поздно что-то менять, – пробормотал Макнамара, – возможно, ты прав, но ты делаешь больно, Том.

– Зато, надеюсь, я разложил все по полочкам. – Лундквист допил виски, положил на стол папку и поднялся из кресла. – Материалы по «Юниверсум» здесь. Извини, я пойду. Устал чертовски.

– Надеюсь, ты не всерьез говорил об увольнении? – буркнул Макнамара.

– Куда ж я от тебя денусь, – хмыкнул Лундквист.

Дежурный врач встретил Макнамару возле лифта. На вопрос, как здоровье сына, зачастил, пересыпая речь медицинскими терминами, из которых можно было понять, что кризис миновал, но нежелание общаться внушает врачам некоторые опасения.

– Я могу с ним поговорить? – спросил Макнамара.

– Да, конечно. Профессор Шейдеман распорядился пускать вас в любое время.

Майка уже перевели в палату интенсивной терапии. Безучастно скользнув взглядом по лицу отца, он перевел его за окно, в котором были видны сверкающие солнечными бликами зеркальные стены Конгресса.

Макнамара присел возле кровати. От снежно-белых про-

стыней и стерильного мертвого воздуха ему стало немного не по себе. Майк выглядел исхудавшим донельзя, но смотрелся намного лучше, чем вчера, когда Макнамара видел его висящим в паутине нейлостановых нитей.

– Здравствуй, Майк. Профессор разрешил повидать тебя. Надеюсь, ты не против? – Макнамара помолчал, ожидая, что скажет сын, но он безучастно смотрел в окно, будто даже не слышал его голоса. – Я уладил вопрос с полицией, и если ты не захочешь, тебя ни о чем спрашивать не станут. Может быть, потом ты мне что-то расскажешь, но настаивать я не буду. Мне было очень одиноко, Майк. – Макнамара вздохнул. – Но теперь мы наверстаем упущенное. Поправляйся скорее – у меня много дел, а Томас не успевает во всем помогать. Я очень надеюсь на тебя. Тебе уже пора учиться управлять моими... нашими делами...

– А где мама? – неожиданно спросил Майк, продолжая смотреть в окно.

– Она... не придет, – через силу проговорил Макнамара. – Когда ты пропал, она держалась сколько могла, но в конце концов сдалась. Она в монастыре, Майк, она решила принять постриг. Я был у нее. Она считает, что вымолила тебя у Господа и теперь, чтобы не разочаровать Его, должна остаться в монастыре. Она приглашает тебя приходить, когда захочешь. – Макнамара покусал губу. – Майк, мы остались вдвоем. Если и ты... – Он не закончил и обреченно махнул рукой.

Майк повернул к нему голову, нашупал лежавшую на оде-

яле ладонь и слабо пожал ее:

– Я с тобой, отец.

– Вот и отлично. А сейчас мне пора. Завтра я приду еще. – Макнамара пожал слабую руку сына и поднялся. – И вот что: не осуждай мать – она сделала выбор в пользу Господа.

– Я не осуждаю, – прошептал Майк, когда отец вышел из палаты, – но она выбрала не того Бога.

Глава 4

Начало перелета получилось отвратным, и что остальная его часть будет более приятна, ждать не приходилось. Получив билет на лайнер «Пурпурной линии», Сандерс поначалу недоумевал – раз уж Бюро не задействовало для переброски агентов собственные каналы, то каким образом оно решилось разориться на билеты единственной компании, конкурирующей с «САК» (хотя многие считали, что это «САК» пытается конкурировать с «Пурпурной линией»), было совершенно непонятно. Впрочем, по размышлении все стало на свои места – Сандерс вспомнил, кто был лично заинтересован в благополучном и скором решении проблемы, а именно – сенатор Линдер, и успокоился. Издержки демократии – прозрачность бюджета государственных служб на этот раз сыграла им на руку: пресса и электронные СМИ непременно узнают, сколько было потрачено на операцию по вызволению из цепких лап секты детишек «толстосумов, у которых и так денег куры не клюют», и в случае перерасхода средств поднимут несусветный вой. А теперь все в выигрыше: и Сандерс с мисс Клейн – летят на суперкомфортном современном лайнере; и Бюро – операция проведена с минимальными затратами; и сенатор – и в случае успеха, и в случае неудачи он сможет сказать: я сделал все что мог.

С легендой было все в порядке – не особенно утруждаясь,

отдел планирования состряпал документы, удостоверяющие, что мистер Сандерс и мисс Клейн являются корреспондентами журнала «Келлинг уорлд ньюс» и следуют на планету Киото на ежегодный праздник Обретения Меча. По неофициальной версии, они были не только коллегами, но и любовниками – видимо, чтобы исключить осложнения в виде незапланированных контактов. Прочитав легенду, Сандерс усмехнулся. Ему-то было все равно, даже, пожалуй, забавно, но вот как будет выкручиваться мисс Клейн...

«Эухения Веласко» перевозила всего около ста пассажиров. На лайнерах «САК» разделение пассажиров было ту-по осуществлено по принципу, исповедующемуся со времен злополучного «Титаника» и даже раньше. А конкретно – по палубам. Так что на сто пятьдесят пассажиров первого класса приходилось приблизительно столько же кубометров полезного пространства, сколько на пятьсот сорок пассажиров бизнес-класса. При том что последние отнюдь не бедствовали. Лайнеры же «Пурпурной линии» исповедовали свой, более элегантный вариант отделения «волков от козлиц». На их лайнерах также были разные классы, но эти классы отличались один от другого только размерами кают. Считалось, что люди, позволившие себе купить билет на лайнер «Пурпурной линии», принадлежат к одному классу. Так что два бассейна, постоянно ангажируемые в полет кабаре и варьете, рестораны и бесчисленные бары, а также широко рекламируемый «звездный сад» делали корабли «Пурпурной линии»

немногим меньше, чем перевозившие почти семьсот пассажиров лайнеры «САК». Впрочем, судя по тому, что Сандерс слышал, и семьсот тех и сотня этих в сумме выкладывали за рейс приблизительно одинаковую сумму...

Посадочный зал был невелик и уютен. Сандерс прикинул, что сенатор разорился на билеты еще и потому, что вероятность того, что журналисты сумеют что-то разнюхать в случае с «Пурпурными линиями», практически равнялась нулю. Эта компания крайне негативно относилась к тем, кто пытался хоть что-то разузнать в отношении их клиентов.

Сандерс немного подождал, выпил чашку зеленого чая, схрумкал несколько воздушных рисовых печений и двинулся в сторону регистрационной стойки. Протягивая девушке в цветах компании пурпурный билет с золотым обрезом на предпосадочном контроле, Сандерс продолжал вертеть головой в поисках напарницы. До отлета последнего челнока оставалось совсем немного времени, и он уже начинал лениво прикидывать, что придется лететь одному. Рядом чинно стояли туристы, похоже, с Магдебурга – уж слишком упитанные, холеные и свысока посматривающие на суету космопорта. Дети ниппонского консула, в сопровождении гувернера отбывающие на Киото на каникулы, вносили немного жизни в очередь клиентов. Несколько молодых людей, явно поклонников запрещенных в Содружестве, но по традиции разрешенных во владениях ниппонского императора развлечений, с постными лицами дожидались посадки.

Мисс Клейн появилась, когда Сандерс уже получил обратно посадочный талон и в последний раз оглядел терминал. Абигайлль была в обтягивающих брючках фирмы «Gucci» и полусапожках «Bliss» на каблуке, светлая куртка «Got» из кожи вилхвоста выгодно подчеркивала рельеф ее фигуры.

– Аби! – Сандерс помахал рукой. – Я здесь! Ну что же ты?

Молодые люди оживились, магдебуржцы едва удостоили ее косым взглядом, ну а маленьким ниппонцам было все равно.

– Не стоило ждать, Дик, – ответила мисс Клейн, протягивая девушке билет, – я не маленькая, не заблужусь.

– Но ты могла опоздать.

– Твоя опека становится чересчур навязчивой, – нахмурилась Абигайлль, вызвав молчаливое одобрение молодых людей.

Сандерс мысленно усмехнулся. Похоже, внутри она просто кипела от гнева. Неужели мисс Клейн так задержалась, пытаясь переубедить отдел планирования изменить легенду? Он представил худого, длинного как жердь и флегматичного Яна Духовски, с навечно прилепившимися в углу рта крошками его любимой пиццы, и искаженное гневом личико мисс Клейн, насакивающей на него, будто желтый голенастый цыпленок, и едва не расхохотался.

– Позволь... – Сандерс подхватил ее объемистый кофр и пошел вперед по направлению к челноку. У него самого была небольшая сумка с самым необходимым – все-таки опыт есть

опыт, и от неподъемного количества багажа он отказался уже давно.

– Могли бы не афишировать нашу связь, – недовольным тоном сказала мисс Клейн, догоняя его.

– Я действую согласно легенде...

– Я тоже, хотя если бы я заранее знала... А, что теперь говорить. – Она раздраженно тряхнула головой. – Хочу, чтобы вы знали: я была против вашего участия в данной операции. Не настолько она сложная, чтобы привлекать двух агентов, к тому же ваши методы оставляют желать лучшего.

– Вы серьезно? – Сандерс с деланным удивлением вздернул брови. – Пока что они действовали безотказно. А можно поинтересоваться, на основании чего вы пришли к такому выводу?

– На основании ваших последних результатов, – фыркнула мисс Клейн, – к тому же ваши любимые ковбойские примочки весьма сомнительны и с точки зрения морали.

– Чем-то приходится жертвовать, – пожал плечами Сандерс. – В данном случае, если есть выбор между устоями общества и достижением результата, приходится выбирать результат. Разведка – грязное дело, мисс Клейн.

– Грязь при желании можно найти где угодно, – отрезала Абигаиль. – Ваши методы устарели, агент Сандерс. Таким ковбоям-одиночкам не место в современных условиях. Агент должен в первую очередь уметь работать головой, а не кулаками. Кроме того, насколько я знаю, и ваша физическая

форма оставляет желать лучшего.

– Тем не менее вы доверили мне нести ваш багаж. – Сандерс начал было всерьез злиться, но вдруг подумал, что есть в этих пререканиях что-то детское. Ну ладно мисс Клейн – ей по молодости можно простить, но он-то чего завелся?

– Я вас не просила. – Она вырвала у него кофр и пошла вперед, вызываяще покачивая бедрами. – Вы – пережиток фронта, агент Сандерс. Такие хороши при освоении новых территорий, когда основная цель выжить. Кстати, вовремя уйти – тоже большое искусство, – бросила она через плечо.

– А вы жестоки, мисс Клейн.

– Милосердие к таким, как вы, может дорого обойтись и к тому же не входит в набор дисциплин Дабл-Пойнта, агент.

Стюард в раззолоченной форме проводил их к каютам. На лайнере было всего два класса – VIP и первый, но, естественно, щедрость сенатора Линдера не простиралась так далеко, чтобы оплатить каюты VIP для агентов Бюро. Впрочем, за свою бытность Сандерс летал на задания в основном пассажирскими рейсами не выше второго класса, а порой приходилось обходиться и грузовыми кораблями, так что в обиде он не был.

Каюта мисс Клейн располагалась как раз напротив, впрочем, как выходило из их разговора при посадке, преимуществ это не давало. Скорее наоборот.

Сандерс бросил вещи в кресло и первым делом отключил

киберов-уборщиков, притаившихся по углам. Ему была знакома эта модификация – киберы норовили подхватить пепел с сигареты еще в полете и пытались чистить обувь, как только пассажир появлялся в поле зрения. Каюта состояла из холла и спальни, а также ванной.

Старт на круизных лайнерах такого класса проходил в обычном режиме и почти незаметно для пассажиров – будто корабль, как в старину, отваливал от причальной стенки и спокойно уходил в море. Различие заключалось лишь в том, что с берега не махали платочками.

Обед можно было заказать в каюту, но Сандерс решил освидетельствовать рестораны и уже к ужину выбрал тот, где подавали набор блюд среднестатистического пятизвездочного отеля, без всякой экзотики в виде, скажем, зовросских летучих мышей или маринованных пиявок с Аретании. Пытаясь придерживаться легенды, он предложил мисс Клейн питаться вместе, но та наотрез отказалась.

– Может ведь между нами пробежать черная кошка? – спросила она. – К примеру, мы поссорились на почве вашего занудства. Сойдет? – Она стояла в дверях своей каюты, куда Сандерс постучал, чтобы прояснить этот вопрос.

Пока Сандерс соображал, что ответить, она закрыла дверь перед его носом.

– Скорее мы можем поссориться на почве вашего необоснованного апломба, – с некоторой досадой пробормотал он и пошел в бар.

Не то чтобы мисс Клейн действительно сильно подействовала ему на нервы, просто надо же было чем-то заняться. Посидев в одиночестве у стойки, наладив отношения с барменом, который был готов обсуждать с клиентом любые проблемы, и выпив пару бокалов пива, Сандерс решил на сон грядущий освежить знания о сектах. Что-то тревожило его в странной неуязвимости «Божественного откровения».

Вернувшись в каюту и проверив ее на предмет подслушивающих и подсматривающих устройств, а заодно и других видов шпионского оборудования – лайнеры «Пурпурной линии», конечно, славились тем, что ревностно оберегали личную жизнь клиентов, но береженого Бог бережет, – он раскрыл файлы по обезвреженным сектам.

Некоторые попались на неучтенных финансовых поступлениях, другие были настолько одиозны, что не составило труда запретить их деятельность в суде. О большинстве дел он слышал – скандалы подобного рода широко освещались в СМИ, другие не знал вовсе, но были и такие, в разработке которых Федеральное бюро принимало деятельное участие.

Секта «Свободный путь», к примеру, собиралась ни больше ни меньше организовать государственный переворот, приурочив его к приходу мессии. Почему-то они решили, что в случае всеобщего хаоса, вызванного параличом государственной власти, новоявленному спасителю будет сподручней проповедовать свое учение. В ходе расследования деятельности секты не обнаружилось даже намека на само

существование мессии, но, как проповедовали сектанты, он должен был появиться сам собой, когда «путь, по которому он поведет народы, станет свободным».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.